

4854812

Колобов Алексей Олегович

**БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ
В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ МИРОВЫМИ
ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ:
ГЕНЕЗИС, ЭСКАЛАЦИЯ, ТЕХНОЛОГИИ
КРИЗИСНОГО РЕАГИРОВАНИЯ**

Специальность 23.00.02 –
Политические институты, процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

29 СЕН 2011

Нижний Новгород
2011

Диссертация выполнена на кафедре зарубежного регионоведения
факультета международных отношений Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Корнилов Александр Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Мелкумян Елена Суреновна
доктор политических наук, профессор
Барабанов Олег Николаевич
доктор политических наук, профессор
Иванов Олег Петрович

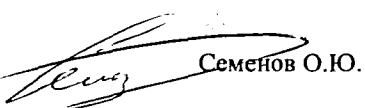
Ведущая организация: Казанский (Приволжский) федеральный университ

Защита состоится 27 декабря 2011 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.10 при ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, факультет международных отношений ННГУ, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке ННГУ им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.23, корп. 1.

Автореферат разослан «12» января 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Семенов О.Ю.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время конфликт, а не порядок продолжает характеризовать мировую динамику. При этом именно данная константа международного политического процесса сильнейшим образом затрагивает действия институтов глобального управления (Global Governance) и представителей общественности ведущих государств мира, вовлеченных в причудливую комбинаторику взаимоотношений основных акторов мировой политики, образующих глобальное общество риска (Global Risk Society).

Восток, в его традиционном классическом понимании, привлекает к себе растущее внимание лиц, принимающих решения (ЛПР) на государственном, международном, транснациональном и наднациональном уровнях. Он является тем стратегически важным и богатым природными ресурсами пространством, где происходят самые острые мировые события, развертываются войны, совершаются террористические акты, сталкиваются интересы «сильных мира сего».

Интегральную часть данного, важного для мировой политики, региона планеты составляет Ближний и Средний Восток (Near and Middle East), расположенный на стыке Европы, Азии и Африки и обычно обозначающийся нарочито неопределенно великими державами (прежде всего Великобританией и США) в связи с особыми стратегическими интересами на территории, жизненно важной для Запада в целом. (The political economy of the Middle East. – Washington D.C.: GPO, 1980. – P. 1–7, 24–25).

«Ближний Восток относится к наиболее стратегическим регионам мира не только из-за его геополитической позиции. Важнейшие мировые воздушные и морские маршруты проходят через территорию, составляющую мост между евразийским массивом и африканским континентом. Высока значимость Ближнего Востока и в культурном, историческом, религиозном отношениях. Он является родиной западной цивилизации, здесь находятся Иерусалим и Мекка – символические центры основных религий: христианства, иудаизма, ислама. Регион, обладая большим энергетическим потенциалом, является жизненно важным для большинства индустриальных держав и решающим для амбициозных устремлений многих развивающихся наций» (Grand Strategy for 1980s / Ed. by B. Palmer. – Washington D.C.: AEI, 1978. – P. 88).

После известных событий, случившихся 11 сентября 2001 г., приведенная стереотипная для политической науки и военной стратегии оценка выше обозначенного географического пространства оказалась дополненной в американских и западноевропейских официальных документах и дипломатической переписке уточнением:

Большой Ближний Восток (Greater Near East), с учетом фактора Южного Кавказа и Центральной Азии, в связи с произошедшей на планете революцией военных и стратегических дел (Revolution in Military and Strategic Affairs) и необходимостью модификации «театра военных действий» (ТВД) в целях достижения состояния оптимума при универсальном кризисном управлении, является обновленным геополитическим центром тяжести мира (The Greater Middle East and its strategic profile // War in the garden of Babylon. The Greater Middle East after the Iraqi war / Ed. by B. Aras. – Istanbul: TASAM Publ., 2004 – P. 3–220).

Данное обстоятельство требует принципиально новых измерений состояния политических, военных, экономических, культурных, этно-конфессиональных дел на Большом Ближнем Востоке, с непременным фиксированием новых особенностей регионального конфликтогенеза, выявлением закономерностей эскалации хронического арабо-израильского конфликта и непосредственно связанных с ним кризисов различного уровня и степени интенсивности. При этом комплексное обоснование региональной политической динамики позволяет четко определить перспективы эффективного внедрения в практику новых антикризисных технологий и рассчитать параметры надежности тех прогнозных характеристик, которые реально способны обеспечить концептуально выверенную стратегическую стабильность и желанное для всего человечества состояние устойчивого развития на глобальном уровне.

В принципе правильное понимание существа ближневосточного политического процесса, арабо-израильского противостояния, глобального управления, представленного коллективными усилиями великих держав и влиятельных международных организаций, вполне может привести к появлению соответствующего *modus operandi* (образа действий) тех акторов, которые реально осуществляют руководство мировой политикой и рассчитывают на достижение прогресса во всем мире исключительно в своих интересах.

Объект исследования – хронический арабо-израильский конфликт и сопутствующие кризисные состояния на Большом Ближнем Востоке.

Предметом исследования являются те составляющие ближневосточного политического процесса, которые непосредственно связаны с основными политическими системами и технологиями, специально

разработанными лидерами мировой политики в рамках хронического арабо-израильского конфликта и региональной дипломатии в целом, с учетом особенностей внедрения в практику усовершенствованных инструментов мирного урегулирования, миротворчества, миростроительства.

Хронологические рамки работы охватывают все время палестино-израильского противостояния (от истоков палестинской проблемы до наших дней), поскольку без этого невозможен правильный прогноз на любой срок и тем более точный расчет вариантов разрешения основных региональных политических противоречий в общем контексте универсального кризиса на Большом Ближнем Востоке. При этом автор сделал особый акцент на анализе тех событий, произошедших в мире после 11 сентября 2001 г., которые вызвали радикальные изменения в системе глобального управления – политическими процессами при распространении международного терроризма и радикализации ислама на планете.

Цель исследования – комплексное рассмотрение особого назначения ближневосточного конфликта, на всех стадиях развития, во взаимосвязи с другими кризисными проявлениями для современной мировой политической системы, с учетом возможностей технологического обеспечения процесса мирного урегулирования и потребностей политической прогностики.

В число основных задач входят:

- информационно-методологическая характеристика разрабатываемой автором проблемы;
- определение специфики ближневосточного конфликтогенеза;
- фиксирование позиций великих держав, влиятельных международных организаций и непосредственных участников хронического арабо-израильского противостояния в широком политическом континууме;
- выявление основных закономерностей функционирования современных механизмов, обеспечивающих развитие мирного процесса на Большом Ближнем Востоке, при специальном рассмотрении палестинской проблемы и возможностей эффективного ближневосточного строительства в рамках сложившейся системы глобального управления;
- рассмотрение вариантов будущего конфликтующих сторон в рамках арабо-израильского конфликта и на Большом Ближнем Востоке в целом;

- предложение лицам, принимающим решения (ЛПР) в Российской Федерации, рекомендаций о применении на практике научных результатов, полученных автором исследования.

Теоретико-методологическую основу работы составили те концептуальные принципы политической науки, разработанные ведущими отечественными и зарубежными научными исследователями, которые действительно обладают универсальным ценностным значением.

Базовые концепты развития политических институтов, процессов, технологий оказались для автора совершенно необходимыми.

Категории «транзит демократии», «глобальное управление», «раннее конфликтопредупреждение», «кризисное реагирование», при вариативном (диалектическом, синергетическом, сравнительном, бихевиористском, системном, аксиоматическом) научном объяснении, позволил и автору максимально сфокусировать свое научное исследование на объяснении концептуального смысла политических действий великих держав и влиятельных международных организаций в рамках хронического арабо-израильского конфликта и сопутствующих ему других кризисных состояний на Большом Ближнем Востоке.

При этом теоретические основания управления, политико-технологического обеспечения деятельности всевозможных миротворческих механизмов, политико-стратегического моделирования на глобальном и региональном уровнях оказались крайне важными для своевременного выявления новых закономерностей мировой динамики и поиска более надежного инструментария коллективного миростроительства, а также определения главных противоречий, затрудняющих достижение человечеством состояния стратегической стабильности и устойчивого развития.

Идеологемы, вошедшие в золотой фонд мировой политической мысли, составили для автора именно те, необходимые и соотнесенные с адекватным восприятием парадоксов организации современной политической жизни государств и народов планеты, предпосылки, без которых комплексный политический анализ наиболее сложных международных, региональных и глобальных проблем и тем более синтез полученного нового знания в интересах Российской государства был бы просто невозможен.

Методологически необходимым для автора стало и концептуальное обоснование конкретных функциональных особенностей сложившейся системы глобального управления, при меняющейся роли в структуре коллективного конфликтного и постконфликтного урегулирования на Большом Ближнем Востоке тех стратегических инноваций постмодерна, которые широко применяются в процессе глобальной политической

модернизации и рассчитаны на обретение человечеством иных, чем прежде, норм жизни, а также принципов взаимодействия государства и общества, при внедрении новейших технологий международного общения и появлении нового качества международной среды.

Автором использованы следующие научно-исследовательские методы:

- системный анализ при таких взаимосвязанных подходах, как структурно-функциональный и вход-выход, с учетом устойчивости системы перед внешним часто агрессивным воздействием;
- компаративистские оценки, основанные на категориях тождества и различия, с целью выявления схожих, идентичных или различающихся характеристик сравнительных политических институтов или процессов, а также комплексного сравнения государств, политических систем, международных организаций;
- децизиональный подход, заключающийся в попытке выяснить сущность процесса принятия решений на всех его стадиях применительно к политике;
- «кейс стадиз» как инструментарий, предполагающий изучение на примере отдельных случаев, с помощью индукции, по принципу «факт – факт – вывод» при отборе наиболее характерных и вместе с тем устойчивых признаков политических явлений или процессов, с тем чтобы выявить закономерности и получить необходимое обобщение, значительно обогащающее теорию политики;
- исторические характеристики: синхронные, предполагающие изучение явлений в контексте исторической обстановки; хронологические, нацеленные на последовательное рассмотрение исторических событий; диахронные, сфокусированные на периодизации и исторических параллелях, историческом моделировании применительно к политологии в целом, политическим процессам, технологиям, институтам.

Кроме того, в исследовании применены:

- системно-функциональное измерение;
- контент-анализ документов;
- дескриптивные и корреляционные характеристики;
- политико-прогностический инструментарий применительно к

Большому Ближнему Востоку в целом и хроническому арабо-израильскому конфликту в особенности.

Все вышеперечисленные методы (общенаучные и специальные) использовались автором в зависимости от конкретной потребности, но, главным образом, в комплексе, так как проблематика диссертации отличается особой сложностью, а сам ближневосточный конфликт, с его

меняющейся ролью в современной системе глобального управления, настойчиво требует концептуального осмысления и, что наиболее существенно, надежного технологического обеспечения процесса окончательного урегулирования международно-политического кризиса, включившего в себя наиболее отрицательные проявления дипломатии великих держав и реакцию на нее со стороны населения стран региона, являющегося жизненно важным для Запада в целом.

Эмпирическую базу исследования составили:

- *архивные источники*: документы Министерства иностранных дел и Министерства по делам колоний Великобритании (British Foreign Office/British Colonial Office, London, UK); материалы Национального архива США, сосредоточенные в фондах «Палестины» (RG 59, File 867 п.), депеши американских консульских служб в ближневосточных странах (RG 59, File 867.00/282a-2023; 867koo/58-80; 867m142-867n427/b5); «ящиковые досье» ЦРУ (Lot Files of CIA, 1949–1956); германские правительственные документы, отражающие процесс формирования политики Третьего рейха в отношении Палестины в 1933–1939 гг. и проблемы ближневосточной политики Германии в 1933–1945 гг. в целом (Politishes Archiv des Auswartigen Amts; Bonn);
- *документальные материалы*: свидетельства американских квакеров по миротворчеству на Ближнем Востоке и во всем мире (American Friends Service Committee Archives 1918 – 1998, Philadelphia, PA, USA); бумаги Колледжа мирных исследований на о. Фюн в Дании (Archives of Peace Research College – Arm of Citizens of the Earth, Hejsbjorg, Denmark: Letters, Memories, Programmes, misc. Documents, etc. 1970–1986);
- *официальные документы* правительств Великобритании, США, Германии, Франции, Турции и других стран, непосредственно относящиеся к армянскому геноциду, курдскому вопросу, другим этническим конфликтам в Малой Азии, зоне Персидского залива, на Большом Ближнем Востоке в целом и неразрывно связанные с арабоизраильским конфликтом и палестинской проблемой;
- *документы* текущего архива центра исследований проблем мира и разрешения конфликтов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (1992–2010, ФФ. 1–20);
- *документы* ООН, ЕС, НАТО, ЛАГ, ОИК;
- *законодательные акты*;
- *международные соглашения*;
- *мемуары* государственных и политических деятелей;
- *свидетельства* прессы;

- интернет-ресурсы.

Разнообразные документальные сведения, составившие эмпирическую базу политологического по жанру научного исследования, позволили автору выявить главные тенденции развития системы управления мировой политикой и зафиксировать особое назначение ближневосточного конфликта для деятельности ключевых мировых политических акторов на всех фазах эскалации арабо-израильского противостояния в рамках мирного процесса на Большом Ближнем Востоке. Весьма объемный массив источников способствует появлению надежности прогнозных характеристик на различный срок упреждения, хотя, по сути своей, даже хорошо изученные и обработанные факты содержат в себе существенный риск дезинформации, поскольку любой документ создан людьми, преследующими вполне определенные интересы и, следовательно, на каком-то уровне вырабатывающими продукт для вероятной дезориентации противников. Это прежде всего относится к стратегической информации как к одному из главных инструментов влияния структур глобального управления (Global Governance) на умы и действия представителей всего глобального общества риска (Global Risk Society).

Следует подчеркнуть, что многие оригинальные источники введены автором настоящей диссертации в научный оборот впервые, что существенно повышает вероятность коррекции сложившихся стереотипов восприятия мировой политики лицами, принимающими решения, и прогрессивной общественностью планеты.

Степень научной разработанности темы характеризуется, прежде всего тем, что по отдельности проблемы войны и мира, глобализации с ее воздействием на региональные процессы, сама политика великих держав и влиятельных международных организаций на Большом Ближнем Востоке, различные механизмы кризисного управления, конфликты всевозможного происхождения, политические интересы, политические технологии, хронический арабо-израильский конфликт и неразрешенная палестинская проблема, со всевозможными опасными политическими последствиями, нашли отражение в большом количестве научных трудов ведущих отечественных и зарубежных ученых.

Принимая во внимание многопрофильный характер разрабатывающей темы, автор сгруппировал изученные научные исследования по следующим категориям:

1) *Фундаментальные труды по общим проблемам войны и мира, межцивилизационного взаимодействия, диалога культур, глобализации, управления мировыми процессами, социально-политической рисковологии, изданные в различное время зарубежными учеными, полити-*

ческими деятелями, философами, социологами, экономистами, историками, политологами (Р. Арон, З. Бауман, У. Бек, Дж. Бернал, Зб. Бжезинский, Н. Бор, Г. Бриджмен, И. Валлерстейн, Т. Гоббс, Т. Гольдблатт, К. Гюнцель, П. Дихль, Ф. Жолио-Кюри, Х. фон Зенгер, В. Зомбарт, Г. Кан, И. Кант, Р. Кеохейн, Л. Ларуш, Э. Мактрю, Г. Маккиндер, Л. фон Мизес, А. Мэхен, Дж. Перратон, У. Полк, А. Ризи, Дж. Розенау, У. Ростоу, М. Симай, П. Сорокин, Дж. Сорос, А. Тойнби, С. Фарах, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, М. Харад, Л. Харрисон, Дж. Хейнц, Д. Хелд, А. Эйнштейн, Г. Эрлер и многие другие), а также *отечественными мыслителями и специалистами –гуманитариями* (И. Андреев, Э. Боталов, А. Богатуров, К. Бришполец, В. Вернадский, А. Володин, К. Гаджиев, М. Гореев, А. Гулыга, К. Денчев, А. Дутин, А. Зиновьев, А. Капто, Н. Косолапов, С. Кравченко, А. Кувалдин, В. Ленин, К. Леонтьев, О. Лисичкин, А. Лосев, А. Мельвиль, А. Неклес, А. Панарин, Г. Синицын, Н. Сирота, А. Соловьев, И. Сталин, Д. Темников, Л. Тихомиров, А. Уткин, П. Флоренский, Г. Хозин, К. Циолковский, П. Чернов, П. Чешков, Н. Чижевский, Л. Шелепин, Н. Шмелев и т.д.).

В них содержатся самые различные интерпретационные вариации мировой динамики (классическая, марксистская, синергетическая, по-позитивистская, постпозитивистская, конструктивистская, реалистическая, неореалистическая, модернистская, постнеомодернистская и пр.), образующие в комплексе и по отдельности соответствующую концептуальную основу, необходимую для построения адекватных международно-политическому континууму моделей восприятия противоречий, закономерностей, тенденций, а также улучшения качества развития глобальной политической системы и ее региональных составляющих.

К наиболее значительным направлениям научного поиска можно отнести следующие:

- особенности взаимосвязи политики и войны, наиболее характерные для современности (развитие военно-доктринальных взглядов);
- меры доверия; понимание мира как состояния общества и политические действия государств, широко осуществляемые совместно с влиятельными международными организациями;
- гуманитарные проекты военно-политических организаций;
- специфика вооруженных конфликтов (локальных, региональных, международных, симметричных и асимметричных по характеру и различных по степени интенсивности);
- соответствующие «возможности» и «недопустимости» применительно к глобальной войне.

Многие ученые, следующие принципам модернизма, постмодернизма и постнеомодернизма, усматривают в общепланетарном обществе режим глобальной безопасности, признавая иные формы суверенитета, чем прежде, для того чтобы справиться с конфликтами и обеспечить глобальный порядок.

Отдельные авторы, впрочем, рассчитывают на возобновление общественного договора между обществом и государством, полагая, что суверенитет принадлежит глобальному обществу, сформированному на основе неких имплицитных институтов современной эпохи за национальными пределами, и к учреждению некоего национального правления на основе планетарного конституционного порядка и созданию глобального государства. Ни одна из этих версий глобального общества, однако, не обеспечивает полной реализации демократии, особенно в том ракурсе, который относится к понятиям войны и мира, международного миропорядка, глобального управления.

Для эффективного, концептуально выверенного мироустройения важен синтез рационального и иррационального применительно к новой парадигме обустройства политических дел на планете.

В связи с этим реализм и неореализм в мировой политике крайне необходимы и как идея, и как практика глобального управления, но не в чистом виде, а с разновидностями.

Г. Моргентай не случайно полагал, что рациональные методы у становления международного мира являются утопической мечтой. В своих исследованиях он отказался от исторических методов, поскольку исторические события, не зависящие от человечества, непредсказуемы, и нарочито высмеивал любые попытки подчинить власть разуму и только на основе этого привести к миру.

Политический реализм, развиваемый его коллегами (А. Уолферс, Р. Арон), продолжает маккиавелистскую традицию, рассматривая политику внутреннюю и международную исключительно в качестве столкновения отдельных субъектов, а также как анархию, хаос, где потенциально нет места для мира, справедливости, стабильности. В то же время, представители идеализма и его современной разновидности либерального институционализма (Р. Кеохейн и др.) склонны регулярно усложнять мотивацию лидеров во внутреннем политическом процессе. Что касается ученых, адептов радикализма и структурализма, то они считают экономические отношения, отношения собственности, господствующий тип политической культуры определяющими для общественной организации политической жизни любой общественной структуры, в том числе и общества глобального риска (Global Risk Society).

Консерватизм и неоконсерватизм являются наиважнейшими интеллектуальными доминантами в процессе изучения современного международного политического процесса, с учетом приоритетных аспектов внешней политики США и их союзников.

Сопоставляя их с реалистическим вильсонианством, такие известные ученые, как Фр. Фукуяма, особо подчеркивают необходимость переосмыслиния институтов мирового порядка для того, чтобы «управление через хаос» в глобальном масштабе оказалось более эффективным. По их мнению, наиболее значительный путь применения моши основными акторами мировой политики – это не применение военной силы, а способность формировать объект международных институтов.

Неоконсерваторы осознают это, справедливо подчеркивая важность совпадения для великих держав идеалов и интересов в региональной и глобальной динамике, но, к сожалению, не понимают причин наличия способности мировых держав создать прочные политические структуры, в рамках которых они могли бы добиваться долгосрочного сотрудничества с государствами-единомышленниками.

Идеологи мир-системного анализа международной политики (И. Валлерстайн прежде всего) связывают наиболее значительные мировоззренческие концепты Нового и Новейшего времени (консерватизм-либерализм и марксизм) с различными реакциями на нормальность всевозможных изменений.

Практически все вышеперечисленные теоретические констатации проблем войны и мира, глобализации, управления мировыми политическими процессами, представленные в исследовательской литературе по теме настоящей работы, имели для автора большое значение при выборе правильных ценностных ориентиров характеристики сложных вопросов мировой политики, обладающей такой конкретикой многообразия, а также теми противоречиями и парадоксами, которые олицетворяют несовершенство дел человеческих, нередко дезорганизуя любого, кто идет в научном поиске от общего к частному, в чрезвычайно сложной модели миропонимания, миротворчества, мироутверждения.

2. Исследования проблем политики, сравнительной политологии, политических элит, политического процесса, политических технологий, политической конфликтологии, преодоления терроризма, международной безопасности, миротворчества, политической прогностики.

Закономерности образования и развития системы управления мировым политическим процессом, включая ближневосточный конфликт и сопутствующее кризисное состояние на разных стадиях эскалации и урегулирования, невозможно правильно оценить без ознакомления с

лучшими достижениями теории политической экономии, политической науки, власти, международных отношений, представленных в трудах многих известных зарубежных (Э. Арато, К. Арендт, Л. Бентли, Э. Бернхард, П. Бурдье, М. Вебер, Э. Геллер, И. Гиденс, Р. Дарендорф, К. Дойч, П. Катцштейн, Р. Кох, Дж. Коэн, С. Кранер, К. Лоренс, Г. Моски, М. Нордау, В. Парето, О. Парсонс, Д. Розено, Эм. Симей, Ю. Хабермас, Фр. Хокк, В. Шлюхтер, Ш. Эйзентадт, А. Этиони и др.) и отечественных (Г. Ашин, А. Богатуров, К. Боришполец, И. Василенко, А. Воскресенский, Г. Гаджиев, А. Дугин, В. Иноземцев, С. Карапурза, Е. Колдунова, П. Конотопов, В. Кулагин, Ю. Курносов, М. Лебедева, М. Ломакин, А. Мельвиль, В. Михеев, Д. Мутагирова, А. Мусаров, А. Панарин, И. Панарин, Д. Поликанов, А. Сергунин, А. Соловьев, А. Федоров, А. Федотов, М. Хрусталев, П. Цыганков, Т. Шаклеина и др.). Ряд из них – учёные-универсалисты (К. Гаджиев, Э. Геллер, Дж. Коен, К. Лоренс, В. Парето, Д. Розено, А. Соловьев, Ю. Хабермас и др.) – склонны рассматривать политическую науку, политическую власть, политический процесс, политические технологии исключительно с высоких мировоззренческих позиций, подчеркивая особую значимость научно-теоретического знания применительно к каждому конкретному аспекту мировой динамики и образу политики как науки в особенности.

Другие эксперты (А. Володин, Н. Колосов, Н. Косолапов, А. Панарин, М. Чешков) выступают в качестве своеобразных «прагматиков», которых чрезвычайно интересует мирополитическая проблематика как некая важная основа для концептуализации и адекватных оценок действительности, полученных в результате синтеза лучших научных достижений.

Трети (А. Дугин) представляют собой фундаменталистов-охранителей, испытывающих сильнейшее влияние «новой американской» и «старой немецкой» политологии.

Четвёртые, (М. Наринский, А. Филатов, А. Чубарьян) стоят на позициях политического историзма, стараясь доказать необходимость разумного политизирования классической истории с акцентом на методологии первой.

Пятые, (А. Богатуров, А. Воскресенский, Т. Шаклеина) составили системную историю международных отношений.

Ракурсы научного поиска всех упомянутых теоретиков различны.

Важность каждого из них для исследования проблем управления мировым политическим процессом со всевозможными кризисами и коллизиями на Большом Ближнем Востоке – более чем значительна, т.к. именно четкая концептуализация политической власти, представ-

ленная непременно категориально, рассматривает технологии деятельности всевозможных международных институтов, обусловливая логику и смысл глобального руководства (Global Leadership) в глобальном обществе риска (Global Risk Society).

В целом глобальная общность олицетворяет бытие и сознание человечества как продукта антропогенеза, предопределяя различные исторические формы. На данные обстоятельства обращает внимание М. Чешков, предлагающий жесткое (hard) определение предмета глобалистики как совокупности процессов взаимовлияний, взаимодействий, взаимообусловленностей, взаимонеобходимостей, имеющих место между различными компонентами, которые входят в состав человечества как некоей целостности и мягкое (soft) определение предмета как совокупности процессов расчленения, отпочкования, разделения глобальной общности, происходящих с помощью механизмов дифференциации и дивергенции, в ходе действия которых становятся явными единичные и особые свойства компонентов.

Глобальное проявляется в конкретной (локальной и региональной) конфликтности, на что указывают, прежде всего, отечественные и зарубежные исследователи (А. Арбатов, И. Арцибасов, О. Барабанов, Д. Барышников, В. Блищенко, Л. Блюмфильд, А. Большаков, И. Валлерстайн, Р. Гризв, Дж. Гуревич, И. Дериглазов, Е. Доронина, В. Журкин, А. Здравомыслов, У. Кинтер, Дж. Кифер, В. Кременюк, М. Лебедева, Д. Маккиндер, Э. Месснер, А. Молтон, В. Пихт, С. Поссони, Е. Примаков, Р. Румель, К. Руперсмит, М. Соленберг, М. Солнцева, Е. Степанова, Р. Страус-Хюпе, Д. Фельдман, Д. Фушер, Т. Шеллинг).

Для мировой общественно-политической мысли характерно сбалансированное обоснование появления и развития всевозможных конфронтаций. Что касается универсальной концепции урегулирования международно-политических и военных споров, то ее нет до сих пор. Именно поэтому многие специалисты продолжают дискурс по поводу того, что такое конфликт, чем отличается вооруженный конфликт от невооруженного конфликта, в чем различие между такими понятиями, как «война», «международный вооруженный конфликт», «конфронтация».

В космополитической теории (Дж. Дьюна, С. Стрейчи) причина военных столкновений усматривается в антагонизме между национальными и общечеловеческими интересами. Идеи о конфликте как созидающей и обновляющей силе высказываются такими исследователями, как Р. Дарендорф и Е. Козер.

Обстоятельства возникновения войны или вооруженного конфликта наиболее четко определил К. Райт, специально подчеркнувший, что

война и вооруженный конфликт имеют политico-технологические, юридическо-идеологические, социорелигиозные и психоэкономические причины. Ф. Гризв, в свою очередь, полагает, что истоки вооруженного конфликта кроются в существовании национально-государственной системы, в полярности мирового сообщества и внутри людей (Grievers F. Conflict and order. – University of Montana (USA), 1977.- Р. 101.) Применительно к последнему пункту выделено три обстоятельства: эгоистичность (по теории З. Фрейда), социальная жизнь (Дж. Гоббс, А. Эйнштейн, М. Мэй), агрессивные инстинкты (К. Лоренц).

В целом экспертами-конфликтологами выделяется более 250 причин возникновения и развития конфронтации между людьми.

Весьма успешна попытка концептуализации типов конфликтов, которая была совершена в 1992 г. советником Института исследования проблем мира (Осло, Норвегия) К. Руперсингом в работе «Процессы демократизации и их значение для международной безопасности».(UNESCO, 1992. – Р .25). Этот автор делит конфликты на внутренние и международные, а внутренние конфликты, в свою очередь, разделяет:

- на идеологические конфликты между государством и движением инсургентов, где социальная неадекватность между классами преобладает;
- правительственные конфликты, которые распределяются между силой и авторитетами в обществе, характеризуясь требованиями оппозиции относительно изменения режима и принятием народом широкого участия в политике;
- расовые конфликты, которые характеризуются притеснением одной расовой группы населения другой;
- индивидуальные конфликты, где доминируют аспекты – этнический, религиозный, лингвистический. Предложенная схема небезынтересна, но она не учитывает тот факт, что некоторые конфликты взаимосвязаны, а вооруженные столкновения могут наслаждаться друг на друга на одной территории, и поэтому довольно сложно бывает дать вполне определенную характеристику обозначенных выше общественно-политических явлений.

В мировой науке еще нет единой теории кризиса, и многие исследователи склонны рассматривать любой международный кризис как уникальное явление, для которого не существует каких-либо универсальных схем и не действуют общие законы.

Политические технологии, имеющие непосредственное отношение ко всевозможным конфликтным ситуациям в мире, нашли достаточно развернутое объяснение многих научных разработках, дающих весьма полезные рецепты власти предержащим и обществу для выхода из всевозможных кризисных ситуаций. Это научные исследования многочисленных актуальных проблем международной безопасности (Дж. Айкенбери, Э. Алмонд, Д. Балуев, Р. Брукс, Т. Ваисс, О. Иванов, Р. Киглер, О. Колобов, А. Корнилов, Е. Либерман, М. Маукер, В. Маулер, Д. Мирсхаймер, Г. Почепцов, М. Рыхтик, Х. Сисе, Д. Скотфильд, Р. Уэслер, В. Хавелти, П. ван Хам, К. Холмквист, Н. Хомски, О. Хохлыщева, Ст. Шилл и др.), противодействия терроризму (Ч. Александр, Б. Белл, А. Грачев, С. Грачев, Д. Джонсон, А. Игнатенко, М. Креншо, Р. Куплерман, Е. Ляхов, В. Наумкин, Ю. Решетов, Э. Соловьев, Е. Степанова, Ф. Хоцкер, М. Энтин и др.), миротворчества (Ф. Барем, А. Барышев, Б. Бузан, О. Вебер, В. Заемский, Б. Меллер, А. Никитин, Б. Тузмухаммедов, О. Хохлыщева, М. Шмидл), политической прогнозики (И. Бестужев-Лада, А. Бирюков, В. Бочарников, Дж. Ватвورد, О. Возняк, Е. Горбунов, Н. Гродненский, Р. Дмитриенко, Э. Кассе, Ю. Кирличников, С. Коноплатов, Э. Корниш, В. Ли, А. Панарин, С. Свешников, А. Турчин, Ю. Хабермас и др.).

Все они способствуют формированию веских оснований для принятия тех ответственных решений на различных уровнях организации политической власти (локальном, региональном, международном транснациональном, наднациональном), которые действительно служат интересам всего человечества.

Так как война зарождается в умах людей, проблемы предотвращения любых конфликтов, и в особенности тех, которые тесно связаны с международным терроризмом, представленным асимметрично организованными структурами, генерирующими насилие, повсеместно требуют утверждения соответствующих идеологических постулатов.

Что касается современного мирового политического процесса с учетом событий, происходящих на планете, а в ближневосточном регионе в особенности, то он, по справедливым утверждениям ведущих зарубежных и отечественных экспертов, непременно должен обладать явными признаками системности (Э. Корниш), технологической сингулярности, понимаемой как проявление значимости внезапного решительного изменения всего мира. Это связано с развитием новых технологий, усиливающих скорость всех политических процессов (А. Турчин) и синергетики (А. Панарин).

Полагаясь на логику вызова-ответа, при системно-ресурсном подходе к любым расчетам будущего вполне возможно разработать сценарии

рий в универсальной парадигме синтетического предвидения, апеллирующей к пониманию сути стратегии глобализации в ее различных региональных вариациях.

3. Работы, освещдающие различные аспекты деятельности великих держав и влиятельных международных организаций на Большом Ближнем Востоке и в отдельных странах региона (Афганистане, Египте, Иордании, Ираке, Иране, Ливии, Объединенных Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии, Сирии, Турции и т.д.), связаны, прежде всего с пониманием международно-политической конкретики в увязке с технологиями кризисного управления регионального масштаба. В исследованиях Б. Араса, В. Блищенко, А. Богатурова, А. Воскресенского, С. Грина, В. Гусейнова, Р. Даниеля, А. Денисова, И. Звягельской, В. Калякина, Дж. Кирка, А. Климана, О. Колобова, Дж. Ленцовского, С. Лузяниной, В. Панина, М. Солнцевой, А. Торкунова, М. Уорена, С. Хадави, Дж. Хареми, И. Шамина, А. Шандры, А. Эпштейна нашли отражение многие проблемы развития Большого Ближнего Востока в широком международно-политическом континууме.

Научные труды Дж. Антониуса, В. Дадряна, Дж. Даниеля, Г. Косача, У. Лакера, М. Мансфельда, Е. Мелкумян, М. Муслима, Р. Олдингтона, А. Рупнина, М. Рута, Р. Симон, Э. Томпсона, Г. Усмана, Р. Халиди, Т. Хершо, А. Хурани в отдельных аспектах посвящены политике великих держав и влиятельных международных организаций в регионе.

Развернутая характеристика военно-политической обстановки в странах региона с наиболее значительно конфликтным потенциалом дана в научных работах И. Александрова, А. Алиева, Аль Гунеймма, Дж. Альхамида, М. Батча, О. Белова, Б. Боумена, А. Васильева, А. Джабалья, Ш. Закари, Х. Зигмана, А. Иссы, Дж. Йофе, М. Каца, А. Кемрана, В. Корякина, Х. Майбаха, Ф. Маквеера, Б. Мюллера, Р. Нортен-Тейлора, Р. Переуза, Д. Плеща, К. Рузвельта, В. Сашина, Ю. Сегова, Р. Скидельски, Г. Сондерса, Ш. Султанова, Ю. Тыссовского, М. Фарела, Г. Ховарда, Р. Хиннебуха, Я. Черкесского, У. Шарикова, М. Шульца, В. Юфсеева, А. Яковлева.

Исследовательская литература по арабо-израильскому конфликту и палестинской проблеме, с учетом фактора ислама в мировой политике, разнообразна по содержанию.

Уже при беглом ознакомлении с ней создается впечатление, что многие издатели желали именно путем интенсивного опубликования научных монографий, книг, статей, очерков, обзоров запутать и без того сложную тему, затянув узел противоречий до предела.

Риск сделать что-то не так при освещении истории и современного состояния проблемы Палестины в США, Великобритании, Израиле, да

и в Российской Федерации тоже, достаточно велик. Но он, впрочем, все же преодолевается теми исследователями, которые искренне стремятся разобраться в истинных причинах и подоплеке сложных палестино-израильских событий. Не удивительно поэтому значительное количество достаточно объективных научных работ по данной тематике и в России, и за рубежом, где, в частности, проблема Палестины и динамика ближневосточного конфликта адекватно представлены фундаментальными научными трудами по геополитике, дипломатии, конфликтологии, внешней политике великих держав и международным отношениям, написанными Р. Араном, З. Бжезинским, Д. Горовитцем, Л. Кади, У. Квандтом, Г. Киссинджером, У. Лакером, Э. Накхлекхом, Н. Подгорецом, Э. Сайдом, А. Селой, А. Тейлором, Д. Уолвоттом, В. Халиди, С. Хантингтоном, Н. Хомским, И. Шамиром и многими другими американскими и европейскими, арабскими учеными.

В России данная тематика также получила детальное освещение в целом ряде научных монографий, книг, статей, отзывов, очерков, подготовленных А. Барышевым, И. Беляевым, В. Блищенко, И. Блищенко, К. Борисовым, Р. Бороновым, А. Брассом, П. Демченко, Ю. Ждановым, И. Звягельской, Т. Карасовой, В. Киселевым, В. Кокиным, О. Колобовым, Г. Косачем, В. Ладейкиным, Р. Ландой, Л. Медведко, С. Модестовым, Л. Моджорян, Ф. Мухамед аль-Наджером, В. Наумкиным, В. Носенко, Е. Примаковым, К. Поляковым, Е. Пырлиным, С. Роговым, А. Федорченко, М. Хазановым, А. Хасьяновым, О. Хохлышевой, М. Шевченко и др.

Современное состояние палестинской проблемы непосредственно нашло отражение в опубликованных научных трудах российских ученых (Г. Зайцева, К. Капитонова, О. Колобова, А. Корнилова, В. Кулагина, С. Лузянина, Г. Меламедова, Т. Носенко, В. Овчинского, Е. Примакова, Э. Соловьева, Е. Усовой, О. Хохлышевой, В. Черновицкого) и зарубежных экспертов (Дж. Абеда, Абу Ситта, С. Абуриша, М. Амары, Х. Ашрави, Д. Голда, С. Зидани, А. Кубурши, Дж. Мирсхаймера, М. Орена, Х. Сисе, Ст. Уолта, Н. Хомского, С. Шабита).

Необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство научных исследований по палестинской проблеме и ближневосточному конфликту, изданных за рубежом, написаны с откровенно предвзятых позиций. Причиной служит особая заинтересованность отдельных представителей глобально организованной международной финансово-промышленной олигархии планеты во что бы то ни стало отстоять свои интересы в сложном палестино-израильском противостоянии, распределив в свою пользу исключительно все сферы влияния в ближневосточном и других стратегически важных регионах планеты.

«Правд» при анализе различных аспектов проблемы Палестины и арабо-израильского конфликта в прошлом, настоящем и будущем великое множество. Истина, по всей видимости, одна. Она остается, к сожалению, до конца не познанной, в силу того что ее главную составляющую образуют конкретные судьбы миллионов людей, оказавшихся заложниками обстоятельств, спровоцированных сильными мира сего. Понять смысл происходящих на Большом Ближнем Востоке событий, тем не менее, можно и нужно. Многое, если не все, зависит от правильного мировоззренческого подхода применительно к сложным делам достижения прочного и справедливого мира на Земле, так уставшей от бесконечных войн, кризисов, конфронтаций.

Ближневосточный научный дискурс, имеющий в основе мощный информационный ресурс, обладает естественными многомерными характеристиками благодаря высокой степени и глубине научной изученности происходящих в регионе политических явлений. Структурно он непропорционален и асимметричен, так как большинство научных исследований, введенных в дискурсивное пространство, англоязычны, а меньшинство представлены информацией, распространяемой на русском, французском, немецком, арабском языках.

Российские ученые весьма активно участвуют в разработке всех проблем, имеющих отношение к теме настоящего исследования, и достигли в своей академической деятельности существенных результатов (прежде всего теоретических и методологических). К сожалению, их рефлексия продолжает носить преимущественно традиционную направленность, а последняя должна быть непременно инновационной, упреждающей, своевременно заполняющей имеющиеся в процессе научных изысканий лакуны. При этом объединение дескриптивных усилий ученых с практическими действиями лиц, принимающих решения (ЛПР), должно быть обязательным.

Квинтэссенцию научного поиска (отечественного и зарубежного в равной мере) составляет стратегия конфликта (Т. Шеллинг), которая предполагает акцент на взаимозависимости решений соперников-посредников, всевозможных «центров силы», осуществляющих масштабное политическое миротворчество в региональном и глобальном масштабах с учетом ожидаемого поведения всех акторов мировой политики в ближайшем будущем.

Научное знание (фундаментальное и прикладное) является императивом действия, и хорошо, если последнее направлено на искреннее стремление всех участников мирового политического процесса к справедливости, прогрессу и миру не только на Большом Ближнем Востоке, но и в глобальном масштабе.

Автор настоящей работы принял во внимание тот факт, что многие важные аспекты проблемы до сих пор остаются мало изученными в России и за рубежом, и стремился максимально учесть именно данное обстоятельство при осуществлении комплексного научного исследования, анализа механизмов, технологий, инструментов управления арабо-израильским конфликтом и тех коллизий, которые образуют сплошное региональное кризисное пространство, или хаос, эффективный менеджмент которого чрезвычайно затруднен.

Суть рабочей гипотезы настоящей диссертации состоит в том, что современное политическое положение на Большом Ближнем Востоке является закономерным результатом специальных действий великих держав (прежде всего и главным образом Великобритании, а затем США) по образованию пространства постоянных конфликтов (арабо-израильского главным образом, и многих других сопутствующих), для управления которыми образована разветвленная система политических институтов, применяющих на разных стадиях эскалации конфликта технологии жесткой (hard) и мягкой (soft) силы (power).

Столь сложная данность усугубляет противоречия мирового политического процесса и сильно затрудняет осуществление позитивных попыток основных акторов мировой политики, направленных на достижение состояния организационно-функционального оптимума, необходимого для установления стабильности на региональном и глобальном уровнях.

Научная новизна и основные результаты исследования, полученные лично автором, определяются принципиально новым теоретическим ракурсом, совмещающим всевозможные научные подходы (сравнительный, системно-ресурсный, синергетический) при определении новых закономерностей мировой дипломатии и новых оценках качества как политических институтов и технологий, которые реально способствуют адекватному восприятию всей системы управления политическими процессами во мире, а на Большом Ближнем Востоке в особенности. При этом в диссертации особо выделены обстоятельства, которые действительно способствуют изменениям не только в рамках хронического арабо-израильского конфликта, но и в регионе в целом. Элементами новизны обладают:

- комплексное рассмотрение конфликтогенеза, эскалации наиболее значимых, взаимодействующих с арабо-израильским противостоянием ближневосточных кризисных проявлений;
- прогнозные оценки политической ситуации на Большом Ближнем Востоке, с учетом позиций основных политических акторов и тех

возможных институциональных трансформаций, которые характеризуют сложившуюся систему «управления через хаос» в стратегически важных и богатых природными ресурсами регионах планеты;

- определение концептуальных принципов политического лидерства, параметров взаимодействия разных звеньев в механизме выработки и осуществления ближневосточной политики великих держав, а также усиление того структурно-функционального комплекса, который представляет собой влиятельные международные организации;

- аргументы в пользу того, что Российская Федерация должна непременно активизировать и наполнить новым содержанием свою политику в регионе, а главное, более эффективно внедрять в дипломатическую практику новые технологии, адаптируя лучший зарубежный опыт.

Кроме того, автором посредством перевода с иностранных языков (арабского, английского, французского), систематизации и комментарии впервые в России введен в научный оборот множество оригинальных документов, несущих действительно новое знание по арабоизраильскому конфликту, палестинской проблеме, ближневосточной политической динамике.

При громадном количестве опубликованных работ по тематике исследования настоящая диссертация восполняет определенный пробел в отечественной и зарубежной политической науке, синтезируя ретроспективное изучение различных аспектов проблемы с поиском конкретных ответов на вопросы о реальных возможностях улучшения качества управляемости регионов, представляющих жизненно важный интерес для мировой политической элиты.

Обоснованность и достоверность работы – все теоретические положения обусловлены авторским комплексным политологическим изучением базовых концептов ближневосточной политики великих держав и влиятельных международных организаций на всех стадиях развития кризиса и с учетом эффективной деятельности системы управления мировыми процессами и особого значения хронического арабоизраильского конфликта. Изучение и сопоставление многих важных документов, не введенных до этого в научный оборот, позволили автору достичь значительного уровня достоверности при том качестве концентрации обобщений, которое непременно должно лечь в основу экспертно-аналитической оценки любого политического процесса.

Теоретическая значимость исследования определяется прежде всего привлечением автором существенных результатов отечественной и зарубежной политической мысли, предусматривающих действи-

тельно оригинальное толкование качества глобального управления, механизмов управления конфликтами на глобальном и региональном уровне, страхования политических рисков, коллективной безопасности, а также антикризисных технологий и миротворческих инструментов.

Выявление автором причинно-следственных связей процесса распространения кризиса на Большом Ближнем Востоке, с получением действительно нового научного знания, должно реально способствовать корреляции политического восприятия лицами, принимающими решения в Российской Федерации, сложных процессов по всему períметру границ государства и появлению нового качества взаимодействия глобальных структур управления кризисами, для того чтобы решение проблем международной безопасности оказалось выгодным прежде всего России.

Практическая значимость работы заключается в возможностях привлечения сделанных автором выводов при исследовании и прогнозировании развития политики великих держав и влиятельных международных организаций на Большом Ближнем Востоке с учетом особенностей формирования системы управления кризисами и конфликтами и возможностей взаимодействия с ней Российской Федерации. Ее основные положения могут быть применены непосредственно различными департаментами Министерства иностранных дел России.

Сведения, систематизированные в работе, применимы для моделирования сложных конфликтов и конфликтных ситуаций и корректировки восприятия российским и зарубежным научным сообществом положения дел в наиболее конфликтных регионах земного шара.

Кроме того, они могут найти широкое применение в учебном процессе классических университетов России и профильных учебно-научных учреждений МИД РФ.

Личный вклад автора в разработку проблемы определяется самостоятельным изучением особенностей и закономерностей ближневосточной политики великих держав, конфликтогенеза и эскалации всевозможных кризисных явлений, усугубляющих и без того сложное положение дел в рамках арабо-израильского противостояния, создающих предпосылки для распространения технологий «управления через хаос» и, таким образом, затрудняющих решение задач коллективной безопасности в региональном и глобальном масштабах. Все результаты настоящего научного исследования получены автором лично в процессе целенаправленного творческого поиска ответов относительно прошлого, настоящего и будущего в регионе и той действительной новизны, которая должна непременно быть при рассмотрении ближневосточного

сточной деятельности ведущих акторов мировой политики в самых различных ее уровнях.

В качестве основных положений на защиту выносятся:

- ценностные характеристики полученного нового научного знания о ближневосточной политике великих держав и влиятельных международных организаций, реализуемой в широком историко-международно-политическом континууме;
- концептуально обоснованные автором принципы ближневосточного конфликтогенеза при особом акценте на специфике последнего и научной оценке взаимозависимости всех кризисных состояний с арабо-израильским конфликтом, палестинской проблемой, структурами сложившейся системы управления политическим процессом в регионе и во всем мире;
- зафиксированные автором специфические политические обстоятельства внедрения в практику миротворческого инструментария и политических технологий урегулирования конфликтов в расширяющемся кризисном пространстве;
- выявленные автором новые закономерности эскалации арабо-израильского конфликта и тех процессов политической институционализации, которые имеют прямое отношение к современной дипломатии основных акторов мировой политики на Ближнем Востоке;
- субъектно-объектные констатации относительно возможностей развития структур управления конфликтным состоянием региональной и мировой динамики в интересах политики России на Большом Ближнем Востоке и ее ближайших, среднесрочных, долгосрочных перспектив.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры зарубежного регионоведения Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского – Национального исследовательского университета России и была рекомендована к защите.

Автор неоднократно в 2000–2011 гг. выступал с научными докладами по теме работы на различных международных, всероссийских, региональных, межвузовских и вузовских конференциях, конвентах РАМИ, форумах, конгрессах, школах конфликтологии, политологии, международных отношений, безопасности в России и за рубежом. Он посетил с научными целями Ирак, Иорданию, Ливан, Турцию, Сирию, Объединенные Арабские Эмираты, Египет, Тунис, оперативно внедрив полученные результаты в учебный процесс при чтении студентам ФМО ННГУ лекционных курсов «Ближневосточный конфликт», «По-

литические процессы в современном мире», «Международные организации», «Международная безопасность», «Основы политологии».

Результаты экспертно-аналитических исследований автора легли в основу ряда собственных учебных пособий по теме настоящей диссертации, глав некоторых учебников, написанных коллективно («История международных отношений», «Международный терроризм», «Теория международных отношений», «Теория политики», «Диалог культур в современном мире»), а также многих научно-справочных изданий (словарей терминов по мировой политике, конфликтологии, безопасности, терроризму).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Архитектоника диссертации построена таким образом, чтобы логически увязать теорию политики, политическую конфликтологию, сравнительную политологию, международные отношения, международный терроризм, международную безопасность с науками о политическом процессе, институтах, технологиях в единое концептуальное целое.

Расчет на получение при этом «эффекта амальгамы» оказался вполне обоснованным, так как политическая власть в мире действительно концептуальна. Если она таковой будет в современной России, то внедрение в политическую практику методики, технологий, инструментария «управления через хаос» действительно приведет к организации ближневосточного мирного процесса на справедливых началах, что будет реально способствовать улучшению политических дел и на планете в целом.

Именно данная констатация определяет пафос настоящего научного политологического исследования, направленного не только на выявление противоречий, но и на осмысление закономерностей мировой динамики, с максимальным учетом российских государственных интересов.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы актуальность темы диссертации, определены объект, предмет, цель, задачи исследования, охарактеризованы методология работы, методы, эмпирическая база, научная новизна, рабочая гипотеза, основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Информационно-документальный ресурс, методология и методы исследования» систематизированы сведения относительно источниковой специфики, исследовательского потенциала и

важнейших концептуальных подходов к разработке ключевых аспектов проблематики диссертации.

В параграфе первом *«Информационно-документальный ресурс»* классифицируются важнейшие официальные источники, использованные автором при разработке темы. При этом особое внимание уделено архивным документам, еще не введенным в научный оборот, а также всевозможным правительственные материалам на русском, арабском, английском, немецком языках и другим ценным свидетельствам мировой динамики во взаимосвязи и взаимозависимости с политикой великих держав применительно к Большому Ближнему Востоку в целом и палестино-израильскому противостоянию в особенности.

Аналитическая обработка автором большого массива оригинальных документальных сведений создала необходимые предпосылки для того, чтобы комплексное изучение хронического палестино-израильского конфликта при объективной взаимозависимости с другими кризисными состояниями и весьма специфическом технологическом обеспечении самой системы коллективного контроля за развитием политических дел на Большом Ближнем Востоке со стороны «сильных мира сего», обрело ту надежную эмпирическую базу, которая и позволяет должным образом определить контуры нового мирового порядка, что очень важно для достижения результата, способствующего действительно научному пониманию существа международной деятельности людей.

Параграф второй *«Методология»* предназначен для определения значения основных теоретических изменений проблемы, изученной автором настоящей диссертации. Последним предложена концепция системного управления кризисными состояниями в ближневосточном регионе, представленного теми политическими структурами, которые готовы применить на практике всевозможные антиконфликтные технологии, настойчиво приводящие к оценочному мировоззренческому восприятию дел в полном противоречий международно-политическому континууме.

Методологически конфликт на Большом Ближнем Востоке непременно должен быть квалифицирован как ситуация, в которой каждая из его сторон стремится занять позицию, несовместимую и противоположную по отношению к интересам другой стороны. Этот феномен представлен прежде всего хроническим арабо-израильским противостоянием, именно он образует ту своеобразную ось сложившегося механизма взаимодействия разных акторов мировой политики, которая притягивает к себе все без исключения кризисные явления в регионе и обеспечивает сбалансированное соотношение прогрессии развития и

прогрессии деградации региональной и глобальной систем при отсутствии видимой упорядоченности структур контроля, страхования рисков, «управление хаосом» в регионе.

Таким образом, совершенно прав Л. Козер, предложивший такое определение конфликта, которое подразумевает прежде всего наличие борьбы за ценности в самой его природе. Методологическое измерение ближневосточных конфронтаций, впрочем, вполне возможно на основе синтеза трех теорий: теории когнитивно-функционального конфликта (Л. Козер), конфликтной модели общества (Р. Дарендорф) и общей теории конфликта (К. Боулдинг), позволяющих зафиксировать их для научного понимания и концептуально определить действия лиц, принимающих решения в России и за рубежом, в качестве сложившейся политической объективной реальности.

По существу, они базируются на системно-ресурсном и хронологически-проблемном подходах, которые апеллируют к диалектике.

Параграф третий «Методы» фиксирует особенности применения в процессе комплексного политологического исследования проблем Ближнего Востока различных видов анализа, синтеза, прогнозистики, которые, собственно, и обеспечивают по-настоящему концептуальное рассмотрение политологических исследований, имеющих особое значение для человечества.

Выводы:

1. Информационно-документальный ресурс настоящего исследования благодаря значительному массиву оригинальных источников, обработанных лично автором, составил прочную основу для образования надежной экспертной системы, обладающей важнейшими ценностными критериями.

В современном глобальном интеллектуальном переделе мира, при масштабной конкуренции государств-лидеров, стран-изгоев и других акторов мировой политики на Большом Востоке, данное обстоятельство обладает действительно стратегическим значением, поскольку речь идет о корреляции достоверности сведений относительно сложнейшего международно-политического континуума с теми прогнозными оценками на основе существующего объема фактов, без которых невозможно концептуальное осмысление мировой власти и, главное, различных региональных вариантов при все более возрастающем интересе к совершенствованию структур коллективного управления политическим процессом со стороны великих держав и влиятельных международных организаций на Большом Востоке и во всем мире.

2. Методология, теоретическое осмысление мировой политики в прошлом, настоящем и будущем, применительно к теме исследования, непосредственно привела к формированию базовых мировоззренческих концептов, логически увязав наиболее значительные констатации и обобщения, сделанные автором применительно к политической динамике регионального и глобального масштабов. Именно разнообразие методологических подходов позволило автору осуществить не только анализ проблемы, но и дать развернутое синтетическое толкование противоречий и закономерностей политической практики великих держав и влиятельных международных организаций в ее региональном ближневосточном преломлении.

При этом полученный интеллектуальный продукт позволил найти действительно важное, своеобразное и полезное для большой стратегии, которая крайне необходима всем людям доброй воли на Земле, поскольку именно концептуально определенное системно-синергетическое видение политической власти дает серьезный повод к поиску баланса сил и созданию реальных условий для желанного всеми достижения состояния гармонии и справедливости в действительно новом мировом порядке.

3. Методы, примененные в настоящем исследовании, политологическом по жанру, но все же междисциплинарном по инструментальной направленности, позволили автору выявить прочные взаимосвязи теоретико-функциональной абстракции с политической конкретикой, определив особый смысл работы с информацией, которая действительно способна быть и уже является мощным оружием в вечной борьбе лидеров мировой политики за превосходство где то ни было.

Знание как высшая форма информации настойчиво требует инновационного наполнения, иначе поиск оптимальных вариантов выхода из кризиса в интересах всего человечества окажется неэффективным. Для России все это очень важно, так как ее миссия состоит в том, чтобы выполнить роль сдерживающего конфликты фактора на планете, а это достигается лишь консолидацией усилий государств и общества, при внедрении всевозможных инноваций, применённых на практике.

Вторая глава «Ближневосточный конфликтогенез: концептуальные принципы, технологическое сопровождение, результаты» посвящена комплексному рассмотрению причин зарождения и развития арабо-израильского конфликта, производных последнего, а главное, особенностей оперативного обеспечения того конфликтогенеза, который привел к весьма специфическим последствиям соответствующей дипломатии великих держав и влиятельных международных организаций в стратегически важном и богатом природными ресурсами регионе.

Параграф первый «*Причинно-следственные связи*» содержит аналитический материал об истоках тех политических реалий, которые непосредственно привели к постоянным коллизиям, затронувшим судьбы всех разделенных народов, не говоря уже о религиозно-культурных обстоятельствах жизни коренного населения ближневосточных стран.

Борьба за власть и конкуренция различных политических субъектов выступают в качестве постоянных величин мировой динамики, которые олицетворяют соперничество всевозможных международных институтов и различных «центров силы» за доступ к стратегическим ресурсам.

Именно поэтому ближневосточный конфликт занял особое место в дипломатии великих держав, которые прусский военный теоретик К. Клаузевиц в трактате «О войне» (1831 г.) определил как страны, способные без посторонней помощи обеспечить свою безопасность от любого другого отдельно взятого сильного государства.

Апликация вполне конкретных интересов и приоритетов политики великих держав и влиятельных международных организаций где бы то ни было является наиболее значительным поводом для любого конфликтогенеза, а ближневосточного в особенности.

Ценностный стержень противостояния ведущих акторов мировой политики и тех государств Большого Ближнего Востока, которые можно назвать органическими и многоэлементными, составили объективно различное понимание метрополиями (Запад) и колониями (Восток) сущности бытия, смысла и образа жизни, духовных начал и пр.

Данное обстоятельство, и прежде всего априорность ценностных различий Востока и Запада, великие державы и влиятельные международные организации смогли обратить на Большом Ближнем Востоке в свою пользу, стремясь достичь максимального материального и психологического преимущества своей региональной политики при дихотомии «колония-метрополия». Колониализм для них оказался тем универсальным смысловым конструктом, который и определил направленность многопрофильной «цивилизаторской» деятельности в отношении «варварских народов», что привело к появлению всех без исключения ближневосточных кризисных состояний.

Колониальная экспансия Великобритании на Большом Ближнем Востоке отличалась особой мощью. При этом британское стратегическое планирование оказалось на высоте, так как неуклонно следовало несомненным принципам государственной политики, предусматривая контроль за балансом сил в Европе, уничтожение морских сил всех противников, удерживание силами могущественного флота акваторий,

обеспечивающих быстрый доступ к зонам своего влияния, блокирование продвижения любых конкурентов к Кавказу, Персидскому заливу, Афганистану и другим странам. Оно сопровождалось оперативным внедрением в практику различных технологических инноваций, к которым вполне можно отнести взаимодействие с лидерами Всемирной сионистской организации (ВСО), давшей старт той политике освоения «земли без народа» в Палестине, которая и спровоцировала затяжной кровопролитный конфликт между арабами и евреями при устраниении всех конкурентов в России, Германии, Франции. В первую очередь, при утверждении англо-саксонского стратегического эллипса в качестве плацдарма долгосрочной региональной политики, осуществляемой на основе базовых ценностей англо-саксонских протестантов (White Anglo-Saxonian Protestants – WASP) и подавления православия, ислама, всевозможных национальных политических и освободительных проектов (пантюркизм, панисламизм, панарабизм и т.д.).

В параграфе втором *«Подоплека вариативности кризисных состояний»* подчеркивается, что конфликтогенез на Большом Ближнем Востоке вовлек в свою орбиту множество коллизий, явившихся прямым следствием самых различных неразрешенных проблем, включая привлечение чуждой идеологии, всевозможные территориальные споры, национально-освободительные движения, геноцид армян, курдский вопрос и т.д.

Он прямо связан с теорией и практикой сионизма, во многом вызван агрессивными действиями WASPS, представленных Великобританией и США, имеет отношение к пантюркизму, панарабизму и некоторым другим идеологическим, религиозным, культуртрегерским версиям национально-освободительной борьбы, получившим широкое распространение в ближневосточном регионе не только естественным образом, но и благодаря специальным операциям великих держав и влиятельных международных организаций.

Вполне возможно, что именно оригинальная концепция внешней политики Российской империи, предусматривавшая поддержку православных христиан на Святой земле и во всем мире, а главное, ее практическое воплощение на Большом Ближнем Востоке, послужили настоящим поводом к устраниению русских как главного соперника англо-саксов с международно-политической авансцены после Первой мировой войны.

В результате вполне конкретных усилий протестантов и католиков, специально подготовленных на иудео-христианской, неразрывно связанной с сионизмом духовной платформе, олицетворявшей Запад в целом, Российская империя в ближневосточном регионе фактически

была отстранена от всех политических дел, связанных с коллективным кризисным реагированием. Это не могло не усугубить и без того непростой, с точки зрения этноконфессионального соперничества, конфликтогенез в Палестине (на Святой земле), который постепенно распространяется на весь Большой Ближний Восток.

Параграф третий «Результаты» суммирует факты о тех обстоятельствах ближневосточного конфликтогенеза, которые сыграли определенную роль в сохранении региональной напряженности с максимальным учетом возможностей кризисного реагирования.

Концептуально-идеологические и религиозные составляющие генезиса палестино-израильского конфликта не случайно универсальны.

Действия британцев, американцев, французов, немцев – всех, кто реально представлял Запад в целом, за исключением русских (Российской империи, а впоследствии СССР), предполагали такое мощное давление на народы Большого Ближнего Востока, которое не могло не вызвать повсеместный протест. Именно поэтому палестино-израильский конфликт уже в своих истоках оказывается взаимосвязанным, и даже взаимозависимым, со многими опасными кризисными явлениями, о чем свидетельствуют и курдский вопрос, и армянский геноцид, и арабские волнения, и все коллизии, ставшие прямым следствием межимпериалистических противоречий. Все это сопровождалось непосредственным подстрекательством Запада в целом, под эгидой Великобритании, а впоследствии США.

Выходы:

1. Ближневосточный конфликтогенез отличается особой сложностью из-за множества привлеченных со стороны обстоятельств, вызванных к жизни политикой великих держав и влиятельных международных организаций.

В ценностном отношении он олицетворяет столкновение цивилизаций на уровне Восток – Запад.

Концептуальные основы самого процесса зарождения и развития всепоглощающего кризиса представляют те идеологии (империализм, колониализм, сионизм, пантюркизм, панарабизм), которые и обусловили появление множества ситуаций, в которых каждая из сторон стремилась занять позицию, противоположную интересам другой стороны, четко обозначающую этническую идентичность соперников.

2. Нагнетание конфликтной напряженности на Большом Ближнем Востоке оказалось комплексным, многоуровневым, многоскоростным, полностью соответствующим вполне конкретным имперским интересам Великобритании и других акторов мировой политики.

Технологическое обеспечение конфликтогенеза, также как и основные кризисные события, отличалось аппликативной поливариантностью, в основном ориентируясь на силу и те методы, направленные на устранение нежелательного человеческого элемента (геноцид армян и собственно палестинская проблема – тому подтверждение), разделение народов (курдский, армянский и другие вопросы) по соответствующим заранее спланированным схемам и сценариям.

3. Конкретным результатом ближневосточного конфликтогенеза стала палестиноцентричность каждого кризисного явления, которая сопровождалась умножением всевозможных состояний вражды на религиозной, расовой, национальной почве где бы то ни было. Новая геометрия власти в регионе довольно быстро привела к организационному оформлению международных институтов принуждения к миру (Лига Наций) и тех структур, которые действительно позволяют «управлять через хаос» где бы то ни было. Главное, однако, было держать все народы стратегически важного и богатого природными ресурсами региона мира в состоянии постоянного напряжения и конфронтации. Политизация собственно ближневосточного конфликтогенеза проходила стремительно, развиваясь по экспоненте.

В третьей главе «Закономерности эскалации и особенности урегулирования хронического арабо-израильского противостояния» представлена ближневосточная конфликтная динамика во всех ее основных противоречиях и дана оценка эффективности наиболее часто применяемых великими державами миротворческих технологий для нормализации военно-политической обстановки на различных уровнях (локальном, региональном, глобальном).

Контекст параграфа первого «Эскалация» рассчитан на ту интерпретацию фактов относительно арабо-израильского конфликта, которая дает возможность четкого определения базовых трендов, треков, фаз в рамках длительного переговорного процесса, до сих пор не способствующего качественному разрешению споров мирным путем. Во многом данное обстоятельство связано с тем, что амбициозный геополитический проект, предусматривавший предоставление евреям как «народу без земли» – «земли без народа» в пределах Палестины, оказался своеобразной совместной операцией великих держав и влиятельных международных организаций.

Возможность осуществления консолидированных действий для Запада в целом предоставили британские правящие круги, получившие мандат Лиги Наций на управление Святой землей, сделавшие все необходимое для создания системы довольно эффективного кризисного реагирования и распространившие всевозможные этноконфессиональ-

ные конфронтации на всем громадном пространстве от Балкан, Передней Азии, Кавказа до зоны Персидского залива и Магриба.

Эскалация противостояния палестинских арабов и евреев сразу же вызвала к жизни эффект домино, который, впрочем, продолжает иметь большое значение в мировой политике до сих пор. В результате, палестинская проблема, с неизменным учетом фактора ислама, затронула и затрагивает до сих пор каждый нерв регионального общественно-политического организма.

Параграф второй *«Кризисный менеджмент в переговорном процессе»* выявляет сложности планирования и осуществления тех дипломатических мероприятий, которые могли бы реально способствовать улучшению политических дел в рамках хронического арабо-израильского конфликта и ближневосточного мирного процесса.

Позиции противоборствующих сил в контексте всех ближневосточных конфронтаций давно определились, включив в себя достаточно много аспектов, требующих четкого осмыслиения на всех стадиях ближневосточного мирного процесса. При этом совершенно необходимым для миротворцев является безусловное осуждение как террористических акций, направленных против мирных граждан Израиля, так и военных действий правящих израильских кругов против населения Палестинской национальной автономии (ПНА), представленных как своего рода «коллективные наказания», которым Израиль подвергает палестинцев. Этого, к сожалению, не происходит, потому что действует «некий двойной стандарт» восприятия непростых ближневосточных реалий сильными мира сего.

Единственно возможное средство решения палестинской проблемы – комплексные взаимные уступки, изоляция наиболее экстремистских сил с обеих сторон и признание очевидных реалий, в том числе права Израиля на существование и права палестинцев иметь собственное государство. Данные обстоятельства должны быть максимально учтены теми, кто разрабатывает и внедряет в практику технологии кризисного менеджмента, усовершенствования которых настоятельно требует ближневосточный мирный процесс.

Параграф третий *«Оперативные возможности снижения уровня конфронтационной интенсивности»* включает аналитические характеристики тех целевых мероприятий великих держав и влиятельных международных организаций, которые действительно направлены на урегулирование хронического арабо-израильского конфликта, с максимальным учетом правовых норм и применением не только силовых контрконфликтных методик, но и приемов невоенного умиротворения враждующих сторон.

Палестино-израильский конфликт крайне нуждается в скорейшем переходе от права сугубо гегемонистического к статусной (по нормам международного права, и только) модели стратегического «управления через хаос».

Применительно к нему международно-правовая коррекция основных миротворческих дел должна непременно увязываться с дальнейшей активной деятельностью «квартета» международных посредников при значительном расширении состава и полномочий всех его участников.

Качественное разрешение проблемы Палестины требует, к тому же, существенного изменения российской внешней политики, тем более что действия США на Большом Ближнем Востоке расширяются (в количественных масштабах и по конкретному качественному содержанию) стремительно. Россия вполне способна вернуть себе прежнее влияние в регионе путем синтеза формальных и неформальных дипломатических усилий.

Арабы все более склонны доверять именно российским правящим кругам (больше, чем кому-либо в Европе и на других континентах земного шара) прежде всего потому, что сеть, т.е. региональное сообщество, организованное не по вертикали (так, как Израиль в отношениях с Западом в целом, хотя он усиленно взаимодействует по горизонтали с европейской диаспорой во всем мире), а по горизонтали предпринимает иные, нежели государственные (преимущественно вертикальные) взаимодействия. К такому варианту жизнедеятельности тяготеет ПНА, не располагающая полной (вертикальной) государственностью, но осуществляющая именно по горизонтали свои политические усилия, получая при этом существенную экономическую помощь (несравнимую, конечно, с тем, что получает Израиль, но все-таки значительную).

Что касается мусульманского мира в целом, то он более, чем какой-либо другой, олицетворяет сетевую модель общества. Его подключение к формирующейся системе глобального управления способно решить многие проблемы, относящиеся к стратегической стабильности в региональном и общемировом измерениях.

Сети уже олицетворяют политическую, военную, экономическую сиюминутность на Большом Ближнем Востоке, взывая к большей поливариантности дипломатических действий (прежде всего в рамках палестино-израильского урегулирования), настоятельно требуя по-настоящему новаторского отношения всех акторов мировой политики без исключения к утверждению атмосферы регионального и глобального согласия народов, способных преодолеть препятствия, не позво-

ляющие пока решить проблемы всеобъемлющей региональной стабильности.

Выводы.

1. Эскалация хронического арабо-израильского конфликта представлена вполне оправданными фазами особого ожесточения противодействующих враждующих сторон. Каждую из этих фаз непременно характеризует война: 1947–1948, 1956–1973, 1982, 2006 гг. и т.д. При этом палестинская проблема оказывается наиболее значимой для все возрастающего числа акторов мировой политики. Последние события в арабском мире (февраль–март 2011 г.) развиваются по линии трансформирования в сугубо религиозный протест, а терроризм лишь усугубляет и без того сложное положение на Большом Ближнем Востоке.

2. Особенности урегулирования хронического арабо-израильского конфликта нашли отражение в применении самых различных миротворческих технологий, а также всевозможных инструментов кризисной дипломатии. Коллективные усилия внешних участников мирового процесса явно возобладали. По сравнению с действиями отдельных великих держав и влиятельных международных организаций. России, к сожалению, не удается пока еще заявить о себе как о наиболее значительном акторе региональной политики, именно в рамках посредничества между израильтянами и палестинцами. Это отрицательно сказывается на ближневосточной и мировой динамике, делая сопричастными к палестинцам, в силу неразрешённости их вопросов жизнеобеспеченностя, не только США, Израиль, арабские страны, Иран, Турцию, но и ведущие европейские государства.

В данном измерении развитие событий идёт лавинообразным способом. Именно поэтому эскалация характеризуется цикличностью, многопрофильностью в широком обхвате обстоятельств, провоцирующих территориальные споры, вооруженные столкновения, межнациональные распри.

Качество многих негативных политических явлений начинает определяться мобилизацией сил ислама при очевидном столкновении с идентичными идеями вестернизации в наиболее жестком протестантско-католическом варианте.

3. Снижение уровня конфликтности на Большом Ближнем Востоке в целом зависит от того, насколько удачно будут решены, казалось бы, сугубо организационные вопросы в рамках системы управления политическими процессами. Оно достаточно проблематично потому, что коллективное кризисное реагирование никак не связано с концептуальным обоснованием модернизации и имеет отношение лишь к частным изменениям. Тем не менее именно неразрешимость палестинской

проблемы в контексте арабо-израильского урегулирования способна создать реальный повод для непременного утверждения того управляемого конструкта, который действительно (при условии соответствующих институциональных трансформаций) окажется способным обустроить прежде всего то, что связано с региональной безопасностью, а также смыслом глобального развития в интересах человечества.

В главе четвертой «*Меняющееся назначение ближневосточного конфликта в современном глобальном управлении (Global Governance)*» выявляется сущность концептуально-технологических инноваций применительно к той политической деятельности, которая исчерпывающе характеризует новейшие позиции великих держав и влиятельных международных организаций на Большом Ближнем Востоке.

Параграф первый «*Модификация приоритетной композиции политики великих держав*» содержит аналитические сведения относительно трансформации базовых ориентиров ведущих акторов мировой политики по отношению к ближневосточному мирному процессу и различным соотносимым с ним проявлениям нестабильности.

Длительная эскалация палестино-израильской конфронтации оставила неизменным лишь одно геополитическое обстоятельство: мощное воздействие внешних факторов, представленных прежде всего величими державами и влиятельными международными организациями. Она отнюдь не повлияла на сложившуюся в ближневосточном регионе расстановку сил. Великобритания не сошла с политической авансцены, якобы уступив лидирующие позиции США. Роли лидеров, правда, несколько трансформировались, но Лондон по концептуально консолидированной монополии остался Лондоном, а Вашингтон утилитарно взял на себя функции главного инструмента политики Запада в целом, пусть даже в качестве единственной сверхдержавы. Кроме Великобритании, усилия последней в настоящее время дополнены различными стратегическими и тактическими инициативами других европейских союзников (Франции, Германии), а также Саудовской Аравии, Турции, Ирака, Иордании, Египта, Ирана, опять-таки в форме специальных операций (СО) или скоординированных действий, олицетворяющих мягкую силу (Soft Power).

Современные действия ЕС, НАТО, США и Запада в целом по ближневосточному кризисному реагированию многопрофильны. Они все более предполагают коллективные миротворческие меры, что, впрочем, не снимает противоречий в отношениях акторов друг с другом.

В параграфе втором «*Инструменты коллективного миротворчества*» рассчитывается надежность технологического сопровождения

современного процесса урегулирования хронического арабо-израильского конфликта, а также различных мер конфликтного и пост-конфликтного упорядочения политических дел на всем Большом Ближнем Востоке.

Отсутствие стабильного мира в течение длительного времени не могло не привести к созданию механизмов коллективного миротворчества, доступных в общем контексте ближневосточной дипломатии великих держав и влиятельных международных организаций, оказавшихся способными образовать действенную систему кризисного реагирования, принципы которой заложены в Уставе ООН.

ООН, в отличие от Лиги Наций, выступавшей в качестве основного инструмента принуждения к миру, сумела после Второй мировой войны предложить международному сообществу действенные меры по урегулированию конфликтов и поддержанию международного мира и безопасности.

В современных условиях глобализации ее миротворческая деятельность дополнена соответствующей политикой ЕС и НАТО.

Таким образом, на международном уровне уже сложилась некая институциональная система, позволяющая реализовать на практике достаточно масштабные мероприятия. Различные объединения в ней представлены не адекватно, а фазы специальных (тайных по преимуществу) операций ЕС, НАТО, ООН на Большом Ближнем Востоке зачастую не синхронизированы. Проблема коалиции остается «ахиллесовой пятой» всего антикризисного комплекса Запада в целом, а парадигма универсализма так и не реализована на практике, что, собственно, и показывают события в Ираке, Афганистане, а также других странах, прямо или косвенно вовлеченных в хронический ближневосточный конфликт.

Безопасность, впрочем, остается неделимой, и это ясно для всех политических игроков Большого Ближнего Востока, а для представителей глобальных «центров силы» прежде всего.

Когда враждуют Израиль и Палестина, страны Персидского залива не могут оставаться в стороне. Но война в Ливане, восстания в Ираке, другие межконфессиональные противоречия, включая последние твиттерные революции в арабском мире, показывают насколько важным становится дело обеспечения надежного мира при крайне желательном, но пока не достижимом взаимодействии ведущих акторов региональной и глобальной политики в обстановке повышенной турбулентности и хаоса, грозящих всей планете гуманитарной катастрофой.

Параграф третий *«Страхование рисков»* акцентирует особое внимание на преодолении всевозможных вызовов и угроз (новых и ста-

рых) непосредственными участниками ближневосточного конфликта, строителями переговоров и спонсорами мирного процесса.

В принципе, весь механизм управления политическим процессом через хаос на Большом Ближнем Востоке все более настраивается на максимально быстрое решение проблем самоорганизации (синергетики) ключевых подсистем, а главное, тех региональных общественных и государственных структур, которые, возможно, зарекомендуют ее когда-нибудь в качестве основных компонентов многоуровневой модернизации и обретут наконец-то реальную способность разрешить палестинскую проблему, урегулировать палестино-израильские и другие ближневосточные противоречия в интересах всех людей доброй воли.

Выводы

1. Меняющаяся суть арабо-израильского конфликта и связанных с ним кризисных явлений в современной системе управления политическим процессом на Большом Ближнем Востоке непосредственно обусловлена с усилением консолидированной мощи великих держав. Приоритет среди последних продолжает принадлежать Великобритании и США, которые в пределах англо-саксонского стратегического эллипса смогли утвердить лидерство во всех измерениях.

2. Хроническое арабо-израильское противостояние по-прежнему служит основным катализатором той напряженности в регионе, которая, собственно, и способствует реализации всевозможных проектов кризисного реагирования с включением в число исполнителей все большего числа участников.

Применение англосаксонскими лидерами всевозможных инструментов коллективного миротворчества в рамках хронического арабо-израильского противостояния обусловлено поиском тех дополнительных преимуществ в осуществлении мировой политики, которые делают коллективные действия силового назначения при условии качественного решения проблем коалиционного взаимодействия всех основных акторов мировой политики с максимальным режимом эффективного «управления через хаос», но, главное, при разделе ответственности различных (глобальных и региональных) центров силы в самом процессе реализации специальных операций, обеспечивающих преимущество и лидерство Западу в целом, во всех измерениях. Именно поэтому нерешенной остается палестинская проблема. Что касается арабо-израильского конфликта, то он выступает в качестве главного пункта агрегации имперских интересов Великобритании и США.

3. Страхование политических рисков с помощью всевозможных упреждающих силовых действий представляет для США и всех их союзников особый интерес. Оно, собственно, и способствует в практичес-

ском преломлении осуществлению в интересах Запада в целом необходимых (декоративно-демократических, но, по сути, жестко- тоталитарных) перемен, вызванных спецификой современной мировой динамики.

В связи с этим неудивительной оказывается сама схема кризисного реагирования США и их союзников на Большом Ближнем Востоке при все возрастающем влиянии фактора политического ислама в международных отношениях. Она предусматривает наличие своеобразного симбиоза откровенно силовых акций с теми технологиями «мягкой силы» (Soft Power), которые при наличии хотя бы незначительной саморазвивающейся системы подвергаются мощному давлению Запада извне, но все же дают шанс на определенные предсказуемые действия основных игроков в системе международных отношений регионального и глобального масштабов.

Глава пятая «Перспективы ближневосточного мирного процесса и палестинской проблемы при вероятной структурно-функциональной трансформации «управляемого хаоса» представляет авторскую версию оценки «еще не свершившегося» на Большом Ближнем Востоке на ближайший срок упреждения (параграф первый «Кратковременные оценки»), среднесрочные (параграф второй «Среднесрочные оценки») и долгосрочные (параграф третий «Отдаленное будущее конфликтующих сторон и системных стратегических операторов») перспективы.

Автором особо подчеркивается, что новая архитектура безопасности, с учетом возможностей эффективного кризисного реагирования в обстановке «управляемого хаоса» на Большом Ближнем Востоке, конечно же, окажется более комплексной, чем старая, тем более что все возможные вызовы и угрозы оказываются взаимозависимыми по многим причинам. Именно в связи с этим мировому сообществу необходима изощренная гибкость дипломатии и концептуально выверенная расстановка приоритетов глобального управления даже при очевидной опасности рисков и крайней затрудненности осуществления на практике стратегии системного страхования мира.

Выводы:

1. Прогноз на ближайшее (до 2025 г.) будущее применительно к ближневосточному мирному процессу не утешителен. Причин турико-вой ситуации в переговорах множество. Палестинская ситуация также остается камнем преткновения для международного сообщества. В ее решении на современном этапе не учитывается позитивный опыт СССР и других важных акторов мировой политики прошлого. Фактическое устранение России пагубно скажется на функционировании

миротворческих механизмов. Исламский фактор не создаст каких-либо серьезных предпосылок для ближневосточного урегулирования хотя бы в краткосрочной перспективе.

2. Среднесрочные (с 2025 по 2050 г.) оценки апеллируют к обозначению вполне вероятных возможностей структур глобального управления установить достаточно эффективный контроль за военно-политической ситуацией на Большом Ближнем Востоке в целом через систему коллективного кризисного управления, представленную не только государствами-лидерами (США, Великобритания и их союзники), но и влиятельными международными организациями. При этом вероятность действительной стабилизации региона с учетом фактора Палестины и ближневосточного региона в целом остается весьма проблематичной.

Отдаленное (после 2050 г.) будущее конфликтующих сторон и системных стратегических операторов на Большом Ближнем Востоке напрямую связано с возможностями «управляемого хаоса» в рамках нового мирового порядка. Устойчивость последнего при соответственном продолжающемся кризисном развитии всех ближневосточных реалий без исключения оказывается весьма сомнительной. Она во многом будет зависеть от утверждения действительно нового качества власти в региональном и глобальном масштабах.

В заключении диссертации подведены общие итоги проведенного автором анализа проблем, относящихся ко всей тематике исследования.

Комплексное, политологическое изучение научной проблемы «ближневосточный конфликт в системе управления мировыми политическими процессами: генезис, эскалация, технологии кризисного реагирования» позволило суммировать полученные автором научные результаты следующим образом:

1. Многочисленные оригинальные источники и литература, отражающие всевозможные ближневосточные перипетии, свидетельствуют об определенной, причем весьма существенной, смысловой, идеологической и концептуальной заданности информационно-документального ресурса по теме, которая является важнейшей для всех структур глобального управления.

2. По существу, именно данная эмпирическая база выступает в качестве мощнейшего информационного окружения «сильных мира сего», позволяя последним соответствующим образом обустроить информационно-документальный ресурс в своих интересах и сформировать устойчивые стереотипы восприятия региональной и глобальной политической действительности так, чтобы скрыть действительные причины конфликтогенеза и эскалации арабо-израильского конфликта

на всех его стадиях в увязке с задачи безопасности в различных изменениях, включая информационное.

3. В связи с этим необходима новая системная классификация всех ближневосточных документов, находящихся в научном обороте и в процессе оперативного применения, с учетом особой важности всестороннего изучения архивных источников (хотя последние нередко содержат значительные купюры, снижающие ценность содержащихся в них сведений).

4. Массовое распространение по каналам WikiLeaks засекреченной дипломатической информации по Большому Ближнему Востоку следует расценивать исключительно в качестве преднамеренной акции США и их союзников по сокрытию, а отнюдь не по прояснению истины, тех преимущественно важных для основных акторов мировой политики фактов, которые действительно способны пролить свет на многие темевые стороны стратегической деятельности Запада в целом по кризисному реагированию в ближневосточном регионе.

5. Предпринятые в настоящем научном исследовании научные методы оказались направленными на коррекцию общественно-политического восприятия процессов, происходящих на Большом Ближнем Востоке, в связи с хронической арабо-израильской конфронтацией и неразрешимостью палестинской проблемы, которые сопутствуют всевозможным кризисным коллизиям. Они действительно привели к получению нового оригинального знания по соответствующей тематике (путем перевода и внедрения в научный оборот многих материалов, недоступных даже научной общественности и лицам, принимающим решения) для комплексной политической оценки, создав, к тому же, предпосылки тех достижений отечественной и зарубежной литературы, которые обосновывают действенность политических мер в рамках уже сформированного глобального управления, предназначенных для упорядочения хаоса в ближневосточных делах. Эти методы доказывают необходимость нового глубинного мировоззренческого осмыслиения различных теоретических подходов:

- диспозиционных, предлагающих концептуальную интерпретацию конкретных ситуаций;
- интенционных, обнажающих намерения отдельных индивидов в политике;
- рациональных, направленных на рассмотрение функций основных политических фигур и лиц, принимающих решения, трактовок, которые во многом способствовали диверсификации изученных явлений и процессов, а также сравнению и обобщениям, в виде реальных

принципов и закономерностей, на основе соответствующего мировоззренческого инструментария и, конечно же, моделирования, воплощающего сугубо эвристические функции.

6. Исследование автором многочисленных документальных источников, еще не введенных в научный оборот, научной литературы на различных языках (арабском, английском, французском), прежде всего подтверждает тот факт, что великие державы традиционно выступают в качестве основных акторов мировой политики. Их число постоянно меняется, но суть политической деятельности в различных «жизненно важных» регионах планеты остается прежней: экспансия, диктат, прямой и косвенный контроль, весьма часто сопровождающийся военным присутствием.

Большой Ближний Восток, как колыбель трех мировых религий: христианства, иудаизма, ислама – занимает особое место в геостратегии лидеров индустриального и постиндустриального мира. Именно здесь сосредоточены основные противоречия современной жизнедеятельности стран и народов, упорно стремящихся к прогрессу, благополучию, стабильности. Ставясь разрешить их, великие державы и влиятельные международные организации долгое время соперничают между собой и тщетно пытаются вывести регион из порочного круга насилия. Последнее получило наиболее яркое воплощение в хроническом арабо-израильском конфликте, с которым связана сложная проблема утверждения и сохранения мира не только в региональном, но и в глобальном масштабах.

7. Ближневосточный конфликтогенез имеет прежде всего мировоззренческие особенности. В его концептуальных основаниях сильно заложены базовые ценности англосаксонского протестантизма, который, в процессе практической реализации, привел к усугублению этно-конфессиональных противоречий, вызвав протест политического ислама только в форме национально-освободительного движения арабских народов, а затем в самых различных технологических вариантах антизападного действия.

8. Истоки ближневосточного конфликтогенеза находятся не только в палестино-израильском конфликте, но также и в других кризисных состояниях, включая армянский геноцид, курдский вопрос, всевозможные межарабские коллизии и споры, являющиеся прямым следствием британской, французской, американской, германской дипломатии, разделившей многие народы и усугубившей многие проблемы региона, для того чтобы система коллективного кризисного реагирования действовала исключительно в интересах основных участников мировой политики.

9. Арабо-израильский конфликт явился вполне конкретным следствием специальной операции правящих кругов Великобритании, получивших действенную поддержку сионистов, оказавшихся способными привнести в ближневосточный регион свои конфликтные устремления, которые, собственно и привели к образованию Государства Израиль.

10. Эскалация ближневосточного конфликта имеет такие закономерности, как:

- диалектическая трансформация теоретического мировоззренческого знания в политическую практику великих держав и влиятельных международных организаций, сопровождающуюся субъективной трактовкой дефиниций «конфликт», «этноконфессиональные коллизии», «восточный мир», «миротворчество», исключительно в прагматических целях, применительно к конкретным кризисным ситуациям в рамках всеобъемной ближневосточной конфронтации;
- социальная мимикрия религиозных (преимущественно протестантско-католических) доктрин, взаимосвязанных с иудаизмом, активно противодействующих исламу и православию, позволивших конструировать чрезвычайно жесткие силовые действия Запада в целом в рамках англосаксонского стратегического эллипса и на всей территории Большого Ближнего Востока;
- хроническое развитие при консервировании всех без исключения кризисных обстоятельств, связанных с неразрешимостью палестинской проблемы и блокирующих мирный процесс с помощью соответствующего технологического инструментария;
- иллюзорность установления «всеобщего мира и безопасности» в ближневосточном регионе при отсутствии универсального синтетического идеологического обоснования;
- цикличность развития процесса «от войны к войне», в рамках хронической палестино-израильской конфронтации, при волнообразной динамике миротворчества, в котором важно действие, но не окончательное, хорошо сбалансированное и, главное, концептуально выверенное миростроительство.

11. Механизм урегулирования сложных арабо-израильских (военно-политических, идеологических, экономических, религиозных) отношений развивается от одной кризисной фазы к другой, предполагая широкое применение различных миротворческих инструментов и осуществление всевозможных дипломатических переговоров, включая вначале технологическое, при развертывании сопровождения процесса принуждения к миру (Лига Наций), а затем коллективное миротворче-

ство (ООН) и постепенное подключение к ближневосточному мирному процессу все большого числа влиятельных международных организаций (ЕС, НАТО, ЛАГ, ОИК и т.д.).

12. По существу, именно в процессе эскалации хронического арабо-израильского конфликта, давшего, подобно раковой опухоли, кризисные метастазы на Большом Ближнем Востоке повсеместно (Ирак, Иран, Афганистан, страны Магриба и т.д.), сформировалась кооперативная система коллективного кризисного реагирования, представляющая собой глобальное управление в ее мозаичной региональной конкретике.

13. Фактически речь идет об «управляемом хаосе», первичными доминантами которого выступают всевозможные автономные и коллективные специальные операции великих держав и влиятельных международных организаций. При этом глобальные конфликтные трансформации, т.е. перемены во взаимоотношениях между государством и различными другими акторами мировой политики, радикально влияют на ритм, содержание и качество жизни всего человечества.

14. Конкретные (ближневосточные) случаи рассмотрения особенностей практического применения великими державами и влиятельными международными организациями специальных операций в качестве универсального инструмента решения наиболее злободневных проблем мировой политики и безопасности в самых различных изменениях последней (локальном, региональном, транснациональном) доказывают наличие безусловной идеализации, а главное, абсолютизации теми, кто доминирует в структурах глобального управления «жесткой силы».

При этом, старое и новое знание, положенное в основу соответствующих политических технологий, лишь незначительно корректирует научно-концептуальное восприятие важнейших (политических, экономических, финансовых) обстоятельств развития современных международных отношений на региональном и глобальном уровнях.

Что касается расширения масштабов применения СО в условиях глобализации, при узком фокусе на контртерроризме, то это свидетельствует об усугублении противоречий и без того сложных общественно-политических процессов на планете.

Таким образом, постоянно увеличивается применение силы США, Великобритании и их союзников на Большом Ближнем Востоке правящими кругами явно и в крипторежиме, что консервирует многие «старые болезни» индустриального и постиндустриального мира и отнюдь не способствует достижению человечеством состояния стратегической стабильности [4].

15. Главной особенностью глобального управления и ближневосточных подсистем кризисного реагирования становится произвол его основных участников, скрывающих благодаря манипулированию мас совым сознанием средствами, полученными в результате глобальной информационной революции, свои истинные замыслы.

16. Введение в заблуждение прогрессивной общественности во всем, что касается СО государственного и международного назначения, впрочем, чревато серьезными последствиями и для США, и для их союзников. Первыми свидетельствами именно такой тенденции, ведущей к четкому оформлению закономерности установления новых правил человеческого общежития в обозримом будущем, является протест антиглобалистов и развернутая критика действий США, НАТО, ЕС в целом даже теми представителями существующей элиты Запада, которые выступили непосредственными участниками и организаторами всевозможных специальных операций, включая «гуманитарную интервенцию».

Данное обстоятельство самым пагубным образом влияет на состояние «управляемого хаоса», лишая всякой надежды на некую упорядоченность последнего в обозримом будущем.

17. Ближневосточный конфликт свидетельствует, что основные его участники ведут ожесточенную борьбу за территорию. Обладание библейскими землями становится навязчивой идеей, которая трансформируется в дорогостоящие внешнеполитические проекты и кровавые авантюры. Политики нередко оправдывают свою настойчивость необходимостью защиты христианских, мусульманских или иудейских святынь. Однако привнесение религиозного контекста в политику не только не оправдывает, но, напротив, еще более осложняет перспективы выхода из кризиса.

Противоречия обретают смысл религиозного спора, который на деле оказывается антагонистичным спором неуступчивых сторон, а политический язык диалога и переговоров на Большом Ближнем Востоке создает дополнительный повод для разрешения религиозных распри с непременным участием неуступчивых фанатиков. Таким образом, конфессионализация арабо-израильского конфликта поднимает очень глубокие пласти тлеющих противоречий между народами и религиозными общинами. Великие державы в полной мере несут ответственность за постоянную напряженность в зоне ближневосточного конфликта и в то же время за успешные попытки ограничения амбиций региональных противоборствующих сил. Парафразируем евангельский текст: миротворцы (великие державы и влиятельные международные организации) не испытывают блаженства в связи со своей деятельностью.

стью. Усилия миротворцев нередко обрачиваются новым витком гонений и мучений для палестинского и израильского народов.

18. Современная ситуация на Большом Ближнем Востоке в связи с неразрешенностью проблемы Палестины остается предельно взрыво-опасной. Данное обстоятельство не дает никаких оснований для оптимизма в оценках мирного процесса в целом и палестинской проблемы, как его интегральной части, в особенности, на любой срок упреждения (краткосрочный — до 2025 г.; среднесрочный — 2025–2050 гг.; долгосрочный — после 2050 г.).

Тем не менее, мощный организационный ресурс для упорядочения главных палестино-израильских конфликтов в ближайшем будущем присутствует. Если его правильно применять в дипломатии на различных уровнях, то вероятность формального, причем достаточно быстро-го, образования палестинского государства все же остается достаточно высокой. Но полноправное государство Палестины также быстро рискует превратиться в один из центров глобально организованной террористической сети, уже опутавшей многие страны и континенты, причем радикальный ислам в новой горизонтальной структуре будет играть если не всеобъемлющую, то очень большую роль, что незамедли-тельно приведет к общерегиональной и даже глобальной интифаде.

19. Практически одновременно с созданием государства Палестины обострится положение в Сирии, Турции, Ливане, Иордании, Египте, странах Магриба. Несколько иные очертания приобретут границы Ирака. Впрочем, вряд ли следует ожидать быстрого решения проблемы арабского единства. Напротив, суннито-шиитские распри усилиятся, хотя аятолла, способный дать универсальную фетву и призвать одновременно и суннитов, и шиитов на общемусульманский джихад, появится не скоро.

20. В перспективе, впрочем, следует ожидать усиления (иудаистского, христианского, исламистского) религиозного восприятия Палестины многими лицами, принимающими решения, и представителями общественности многих стран как Святой земли, нуждающейся в усиленной международной защите всего глобального мира.

Данное обстоятельство потребует дополнительных международных гарантий для всех святых мест на Большом Ближнем Востоке без исключения, что, к сожалению, сопряжено с большими трудностями, которые, к тому же, неизбежно возрастут в обозримом будущем.

Положение Израиля в этой связи может оказаться весьма плачевным, так как алии (волны иммиграции) постепенно сходят на убыль, а демографическое давление палестинцев все возрастает.

21. Балансирование на грани войны, в рамках хронического ближневосточного конфликта, продолжится. Вполне возможно, что именно оно и даст повод новым структурам глобального управления для скорейшего запуска более оригинального (по меркам справедливости, разумеется) миротворческого регионального проекта, который наконец-то завершится успехом в сложнейших палестино-израильских делах.

На основе вышеизложенного лицам, принимающим решения в Российской Федерации, могут быть рекомендованы:

- создание новых, более эффективно действующих служб мониторинга ситуации на Большом Ближнем Востоке в целом, а в рамках палестино-израильского урегулирования в особенности, с применением новейших информационных технологий, позволяющих осуществлять точный прогноз, систематизировать лучшие отечественные и зарубежные экспертные оценки палестинской проблемы в увязке с международным терроризмом и всевозможными транс- и приграничными инцидентами, вызываемыми многими негосударственными (частными) вооруженными формированиями для информационно-аналитического обеспечения различных ситуационных анализов военно-политической обстановки в мире, сценариев дипломатических усилий, учебных игр и пр.;
- активизация ближневосточной дипломатии Российской Федерации с максимальным учетом международно-политического опыта Российской империи и СССР при непременном наличии синтеза конструктивных формальных дипломатических мероприятий с неформальными дипломатическими действиями, которые дают основание к восстановлению постоянного присутствия России на Святой земле, возвращению российской собственности на территории Государства Израиль и в пределах ПНА и восстановлению атмосферы дружбы и сотрудничества одновременно с населением Государства Израиль (значительная часть которого приехала из России и СССР) и арабского мира (сохранившего в своем составе достаточное количество лиц, получивших советское и российское образование);

- расширение параметров международного переговорного процесса с непременным посредничеством, гарантийным и иным участием российских представителей при параллельных, более масштабных действиях по улучшению имиджа всей внешней политики Российской Федерации на мировой арене.

«Управлению через хаос» на Большом Ближнем Востоке, представленному в основном устроителями англосаксонского стратегического эллипса в Азии, целесообразно противопоставить российскую систему

раннего предупреждения (Early Warning System) всевозможных кризисов и конфликтов этноконфессионального свойства по всему периметру государственных границ, с возможным подключением формирующихся мощных ресурсов антиглобалистских и антиимпериалистических сил.

При осуществлении целевых (специальных) операций за рубежом российским миротворцам целесообразно избегать вариантов «принуждения к миру», по-прежнему направленного на навязывание конфликтующим сторонам парадигмы военно-политического поведения и исключающего принципы беспристрастности.

В процессе подготовки персонала для российской системы раннего предупреждения кризисов и конфликтов (Early Warning System) исключительное значение приобретает информация о таких явлениях, как:

- пределы и мандат всевозможных миротворческих акций за рубежом;
- географические, климатические, административно-политические особенности тех или иных регионов (в нашем случае – ближневосточного);
- социально-экономические, политические факторы, определяющие жизнь региона;
- способы и правила взаимодействия с участниками специальных операций из других стран.

С учетом всего вышеизложенного, материалы настоящего исследования могут быть использованы при подготовке студентов, аспирантов, докторантов классических университетов России, слушателей высших военных учебных заведений, а также в процессе написания научных монографий, книг, статей по ближневосточной тематике преимущественно при выработке и осуществлении ключевых аспектов внешней политики с соответствующими департаментами Министерства иностранных дел Российской Федерации.

К областям фундаментальной науки и прикладного знания, в которых целесообразно использовать полученные автором результаты, следует отнести: конфликтологию, политологию (теоретическую и практическую), мировую политику, дипломатию, международные отношения, глобалистику, пропаганду и контрпропаганду международно-политической направленности.

III. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Колобов А.О. Специальные операции Вооруженных сил США: механизм выработки и осуществления на практике в мировом геополитическом континууме [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А Колобовым // Вестник Академии военных наук. – 2005. - №1 (10). – 1 (авт. вкл. – 0,5 п.л.)
2. Колобов А.О. Специальные операции США и их союзников против России (финансовые аспекты проблемы) [Текст] / А.О. Колобов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». Вып. 1 (4). – Н.Новгород: изд-во ННГУ, 2005. – 0,5 п.л.
3. Колобов А.О. Мировое лидерство США: некоторые выводы для России [Текст] / А.О. Колобов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Международные отношения. Политология. Регионоведение». Вып. 1 (4). – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2005. – 0,6 п.л.
4. Колобов А.О. Кризис в Персидском заливе 1990–1991 г.: роль специальных операций США [Текст] / А.О. Колобов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. № 2(5). – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2005. – 0,5 п.л.
5. Колобов А.О. Международно-правовые основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым и О.О. Хохлышевой // Вестник Академии военных наук. Вып. № 1 (22). – М.: АВН, 2009. – 1. п.л. (авт. вкл. 0,3 п.л.)
6. Колобов А.О. Палестино-израильский переговорный процесс: новые технологии и результат их внедрения на практике [Текст] / А.О. Колобов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. № 1. – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2009. – 1 п.л.
7. Колобов А.О. Политика Российской Федерации по отношению к Израилю и арабским странам на современном этапе ближневосточного урегулирования [Текст] / А.О. Колобов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. № 2 – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2009. – 1 п.л.

8. Колобов А.О. Позиция Евросоюза по отношению к Израилю и Палестинской Национальной Автономии в рамках ближневосточного мирного процесса [Текст] / А.О. Колобов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. № 3. – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2009. – 0,5 п.л.

9. Колобов А.О. Управление ООН конфликтами на Ближнем Востоке и в Африке: оценка рентабельности с учетом фактора региональной стабильности в политической ретроспективе [Текст] / Колобов А.О. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского // Вып. № 3 – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2010. – 1 п.л.

10. Колобов А.О. Власть силы и сила власти (о значении специальных операций в глобальной дипломатии США и других великих держав) [Текст] / А.О. Колобов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского // Вып. № 4 – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2010 – 1 п.л.

11. Колобов А.О. Общее и особенное в процессе ближневосточного урегулирования на современном этапе развития международных отношений [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.О. Хохлышевой // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского – 2010. – №6. 1 п.л. (авт. вкл. – 0,5 п.л.)

12. Колобов А.О. Технологии контртерроризма и особенности их применения правящими кругами США в рамках арабо-израильского конфликта [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. № 1 – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2011. – 1 п.л.

13. Колобов А.О. Фактор ислама в мировой политике и его влияние на современную дипломатию РФ [Текст] / А.О. Колобов // Вестник Башкирского университета. – Т.15 - № 3. – Уфа: изд-во БашГУ, 2011, 0,3 п.л.

14. Колобов А.О. Развитие системы управления мировым политическим процессом с учетом фактора коллективного миротворчества: концепция проблемы [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.О. Хохлышевой // Власть. – 2011. – № 3. – 1 п.л. (авт. вкл. 0,5 п.л.)

15. Колобов А.О. Властные полномочия и оперативные возможности ООН в управлении конфликтами [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.О. Хохлышевой // Власть. – 2011. – № 4. – 1 п.л. (авт. вкл. 0,5 п.л.)

16. Колобов А.О. Меняющаяся роль международных межправительственных организаций (ММПО) в современной системе глобального управления [Текст] / А.О. Колобов // Власть. – 2011. - № 4. – 1 п.л.

17. Колобов А.О. Модификация приоритетной композиции политики великих держав на Большом Ближнем Востоке [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым и О.О. Хохлышевой // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. № 3 – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2011. – 1 п.л. (авт. вкл. 0,5 п.л.)

18. Колобов А.О. Страхование политических рисков в глобальной системе кризисного реагирования [Текст] / А.О. Колобов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. № 3 – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2011. – 1 п.л.

Б. Монографии (индивидуальное авторство)

19. Колобов А.О. Опаленный стан (Палестина: истоки, сущность, развитие, современное состояние и перспективы разрешения ее проблем с учетом фактора ислама в мировой политике.) Монография / Под. общ. ред. акад. О.А. Колобова [Текст] / А.О. Колобов – Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. – 10 п.л.

20. Колобов А.О. Управляемый хаос. (Действия великих держав и влиятельных международных организаций в процессе эскалации арабо-израильского конфликта на Большом Ближнем Востоке.) Монография / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова [Текст] / А.О. Колобов. – Н. Новгород; М; Бейрут (Ливан): ИД «Медина», 2008. – 25 п.л.

21. Колобов А.О. Большой Ближний Восток в современной мировой динамике: Монография / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова [Текст] / А.О. Колобов – М.; Н. Новгород: АВН РФ; ИСИ ННГУ; Вектор – ТИС, 2011. – 10 п.л.

В. Разделы, главы, параграфы в коллективных монографиях, книгах, научно-справочных изданиях

22. Колобов А.О. Терроризм и контртерроризм в современном мире. Аналитические материалы, документы, глоссарий. Научно-справочное издание [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с А.А. Корниловым, О.О. Хохлышевой и др. – М.: Экслит, 2003. – 27,4 п.л. (авт. вкл. – 10 п.л.)

23. Колобов А.О. НАТО и Россия в глобальном гражданском обществе: Монография [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым, М.И. Рыхтиком и др. – Н. Новгород; Арзамас: изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, 2005. – 15 п.л.

24. Колобов А.О. Межэтнические конфликты в условиях глобального научного измерения [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с

О.А. Колобовым, О.О. Хохлышевой. – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2007. – 10 п.л.

25. Колобов А.О. Диалог цивилизаций: базовые концепты, идеи, технологии: Монография; пер. на араб., англ. яз [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с С. Фарахом, О.А. Колобовым, О.О. Хохлышевой и др. – Бейрут; Н. Новгород: Махинур (проект ЮНЕСКО), 2007. – 60 п.л. (авт. вкл. – 1,5 п.л.)

26. Колобов А.О. Три трактата о мировой политике: Монография [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым, О.О. Хохлышевой – М.; Н. Новгород: РАБОП; ИСИ ННГУ, 2007. – 45 п.л. (авт. вкл. – 10 п.л.)

27. Колобов А.О. Европа: интеграция и развитие: Монография; в 2 т. [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с А.Г. Браницким, О.А. Колобовым, О.О. Хохлышевой и др. – Н. Новгород: ФМО; ИСИ ННГУ: изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара. – 2008. – 93 п.л. (авт. вкл. – 10 п.л.)

28. Колобов А.О. Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы формирования и закономерностей развития: Монография; в 2 т. [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с М.И. Рыхтиком, А.С. Макарычевым, А.А. Сергуниным и др. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2008. – 50 п.л. (авт. вкл. – 9 п.л.)

29. Колобов А.О. Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт: Монография; в 2 т. [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с Ю.А. Балашовым, А.А. Корнилов, И.В. Рыжовым и др. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ; изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара, 2008. – 110 п.л. (авт. вкл. – 8 п.л.)

30. Колобов А.О. Диалог цивилизаций и международные отношения: Монография [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с С. Фарахом, О.О. Хохлышевой и др. – Бейрут; М.; Н. Новгород, 2009 (проект ЮНЕСКО). – 62 п.л. (авт. вкл. – 1,5 п.л., пер. на араб., англ., фр. яз.)

31. Колобов А.О. Диалог и партнерство цивилизаций: Монография [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с С. Фарахом, О.А. Колобовым, О.О. Хохлышевой и др. – Бейрут; М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2010 (проект ЮНЕСКО). – 25 п.л. (авт. вкл. 1 п.л., пер. на араб., англ., фр. яз.)

Г. Публикации в прочих изданиях

32. Колобов А.О. Современные глобальные процессы и ислам в Европе: Статья [Текст] / А.О. Колобов // Ислам в современном мире: внутригосударственные и международно-политические аспекты. Вып. 5. – Н.Новгород: изд-во НИМ «Махинур», 2006 – 0,5 п.л.

33. Колобов А.О. Мусульманский мир под прицелом американского оружия. Статья [Текст] / А.О. Колобов // Ислам в современном мире: внутригосударственные и международно-политические аспекты. Вып. 5 – Н. Новгород: изд-во НИМ «Махинур», 2006. – 0,3 п.л.
34. Колобов А.О. Роль фактора силы в современном управлении международно-политическим процессом на глобальном уровне. Статья [Текст] / А.О. Колобов // Нижегородский журнал международных исследований. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2006, осень. – 0,5 п.л.
35. Колобов А.О. Недавний конфликт в райских кущах и его отрицательные последствия (рецензия на книгу: *War in gardens of Babylon: Middle East after Iraqi war* / Ed. by Bülent Aras. – Istanbul: Tasam publ., 2004. – 233 p. [Текст] / А.О. Колобов // Нижегородский журнал международных исследований. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2006, осень. – 0,2 п.л.
36. Колобов А.О. Гуманитарная интервенция НАТО и трудности современного постконфликтного урегулирования в Косово: Статья [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым, О.О. Хохлышевой // Нижегородский журнал международных исследований – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2007, весна-лето. – 1 п.л. (авт. вкл. 0,4 п.л.)
37. Колобов А.О. Истоки и сущность палестинской проблемы: Статья [Текст] / А.О. Колобов // Нижегородский журнал международных исследований. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2007, весна-лето. – 1 п.л.
38. Колобов А.О. Концепт «*Pax Islamica*» в системе ценностей «*Global Governance*»: Статья [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым // Ислам в современном мире: внутригосударственные и международно-политические аспекты: Ежегод. альманах. – № 3–4 (9–10). – Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. – 0,7 п.л. (авт. вкл. 0,4 п.л.)
39. Колобов А.О. Палестинская проблема в политике великих держав: ее истоки и сущность: Статья. [Текст] / А.О. Колобов // Нижегородский журнал международных исследований. – Н.Новгород: ИСИ ННГУ, 2008, осень-зима. – 1 п.л.
40. Колобов А.О. Противоречия глобализации, Большой Ближний Восток и Ливанская война: Статья [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым // Ислам в современном мире: внутригосударственные и международно-политические аспекты. Вып. № 1 (7). – Н. Новгород: ИД «Медина», 2007, – 1 п.л. (авт. вкл. 0,5 п.л.)
41. Колобов А.О. Палестинское движение сопротивления в историко-политической ретроспективе: Статья [Текст] / А.О. Колобов //

Нижегородский журнал международных исследований. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2009, осень-зима. – 1 п.л.

42. Колобов А.О. Арабо-израильский конфликт и новая ближневосточная политика Российской Федерации [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с Р.Ю. Жукариным и О.О. Хохлышевой // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. № 2. – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2007. – 1 п.л. (авт. вкл. – 0,4 п.л.)

43. Колобов А.О. Истоки и сущность палестинской проблемы: Статья [Текст] / А.О. Колобов // Нижегородский журнал международных исследований. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2008, весна-лето. – 1 п.л.

44. Колобов А.О. Рецензия на книгу: Gold D. The Fight for Jerusalem. Radical Islam, the West, and the Future of the Holy City. – Washington D.C. (USA): Rogers Publicity, 2007. – 172 р. [Текст] / А.О. Колобов // Нижегородский журнал международных исследований. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2008, весна-лето. – 0,1 п.л.

45. Колобов А.О. Рецензия на книгу: Mearsheimer J., Walt St. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy – N. Y.: Farrer, Strauss and Giroux, 2007. – 484 р. [Текст] / А.О. Колобов // Нижегородский журнал международных исследований. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2008, весна-лето. – 0,1 п.л.

46. Колобов А.О. Палестино-израильские противоречия на «расширенном» Ближнем Востоке: новые закономерности развития и возможности разрешения хронического спора мирным путем: Статья [Текст] / А.О. Колобов // Нижегородский журнал международных исследований. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2009, весна-лето. – 1 п.л.

47. Колобов А.О. Использование силы в процессе миротворчества и чрезвычайных вооруженных конфликтах (теоретический аспект проблемы): Статья. [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым и О.О. Хохлышевой // Нижегородский журнал международных исследований. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2010, осень-зима. – 1 п.л.

48. Колобов А.О. Переговорный процесс в рамках арабо-израильского урегулирования: новые закономерности и особенности: Статья [Текст] / А.О. Колобов // Региональные аспекты международных отношений: история и современность: Монография. Сборник научных статей. – Н. Новгород; Саров: ИСИ ННГУ, 2009. – 0,5 п.л.

49. Колобов А.О. Особенности политики РФ на Ближнем Востоке: Статья [Текст] / А.О. Колобов // Россия в системах международных связей: экономика, политика, безопасность (Мировое развитие. Вып. 7). / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 0,4 п.л.

50. Колобов А.О. Ближневосточный конфликт и возможные последствия его урегулирования с учетом фактора России: Статья [Текст] // Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании. Материалы международной научной конференции / Под ред. Б.М. Ягудина и Р.Р. Сулейманова [Текст] / А.О. Колобов – Казань: Intelpress+, 2010. – 0,3 п.л.

51. Колобов А.О. Превентивная дипломатия и ее особая роль в современном вопросе ближневосточного урегулирования: Статья [Текст] / А.О. Колобов в соавт. с О.А. Колобовым и О.О. Хохлышевой // Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. Б.М. Ягудина и Р.Р. Сулейманова. – Казань: Intelpress+, 2010. – 0,3 п.л. (авт. вкл. 0,1 п.л.).

Подписано в печать 01.09.11. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 2,7. Заказ № 569. Тираж 150 экз.

Отпечатано в РИУ Нижегородского госуниверситета
им. Н. И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.